

Ирина Левит

ПРИНЦИП
ТРЕХ ОБЕЗЬЯН

ЛЕДИ - ДЕТЕКТИВ

Леди-детектив (Вече)

Ирина Левит

Принцип трех обезьян

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)

Левит И. С.

Принцип трех обезьян / И. С. Левит — «ВЕЧЕ», 2026 — (Леди-детектив (Вече))

ISBN 978-5-4484-5849-1

Тайны могут быть завораживающими, могут быть и очень опасными – за них порой убивают. Вот и в романе Ирины Левит их достаточно. Тайна – зачем Агата Чернецкая, предпочитающая активный отдых, вдруг поехала среди зимы в санаторий «Светлое озеро», расположенный в небольшом райцентре Кураевск. Тайна – с какой целью девушка, равнодушная к стихам, отправилась на вечер поэзии, организованный в районной библиотеке. Тайна – почему Агату убили именно в библиотеке, причем забрав ее обувь. Тайна – что происходит в спокойном и респектабельном санатории. Тайна – появление там нового замруководителя межрайонного следственного отдела Вадима Павлинова, которого вместо Москвы отправили на периферию. Тайна – участие в расследовании старшего следователя регионального управления СК Веры Грозновой, приехавшей туда подлечить сына... В кабинете директора санатория Ирины Голубович висит панно с обезьянами: одна закрывает глаза, другая – уши, третья – рот. Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу. Но когда все тайны удастся развеять, будут раскрыты и мотивы преступлений, и сами преступники.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5849-1

© Левит И. С., 2026

© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ирина Семеновна Левит

Принцип трех обезьян

© Левит И.С., 2026

© ООО «Издательство „Вече“», оформление, 2026

Глава 1

Ах, каким замечательным получился вечер!

Душевным, содержательным, возвышенным... Каким и следовало быть вечеру поэзии.

Галина Павловна Добрецова, уже пятнадцать лет возглавляющая Кураевскую районную библиотеку, свое дело любила, знала и считала, что вверенное ей учреждение – не просто хранилище книг, но и место особого культурного досуга. А потому регулярно проводила литературные вечера.

На 27 декабря был намечен вечер поэзии. Главным его организатором стала Леночка Шумкина, самая молодая сотрудница библиотеки, трепетная поклонница поэзии и мастерица читать стихи. Начиналось все в 19:00, но уже за полчаса в большом зале на первом этаже был установлен стол для ведущей, расставлены уютным полукругом диванчики, принесены стулья, в том числе парочка со второго этажа – так, на всякий случай. Хотя Галина Павловна считала, что гостей соберется немного: во-первых, все заняты предновогодними хлопотами, а во-вторых, с утра разыгралась такая безудержная метель, в какую совсем не хочется выходить из дома.

Однако собрались двадцать четыре человека. Для библиотеки сельского района – весьма прилично. Причем семеро приехали на микроавтобусе из санатория – две пожилые супружеские пары, две женщины среднего возраста и молоденькая девушка. Галина Павловна, отметившая в ноябре пятидесятилетие, русоволосая, с «формами» и естественным румянцем, с мимолетным сочувствием оценила девушку: бледнолицая брюнетка с коротко стриженными волосами и карими глазами фигурой напоминала карандаш – никаких женских выпуклостей. К тому же и одета она была так, словно старалась зрительно сузиться: во все черное. Правда, одно яркое пятно имелось – длинный, из плотного материала красный шарф, обвитый с нарочитой вольностью вокруг шеи и плеч, концами ниспадающий на почти отсутствующую грудь. Вопреки моде, девушка явно не гналась за пышным бюстом. Повесив куртку на одну из установленных в углу вешалок, шарф гостя, однако, не сняла, заняв место с самого края, рядом с выходом из зала.

Вечер действительно удался. Стихи, посвященные Новому году и Рождеству, в основном читала Леночка Шумкина, но еще три человека составили ей в этом компанию, а также многие приняли активное участие в обсуждении, задавая вопросы и высказывая свои соображения.

Мероприятие было рассчитано на полтора часа, но никто не проявлял торопливость. Лишь девушка с красным шарфом минут за десять до окончания поднялась со своего места, взяла куртку и, кивнув куда-то в пространство, словно извиняясь, тихо вышла из зала. Через короткое время звякнул колокольчик, вывешиваемый над внутренней входной дверью, когда рядом отсутствовал охранник, и это означало, что девушка покинула библиотеку.

Разошлись все часам к девяти. Леночка рвалась привести зал в первоначальный порядок, но Галина Павловна решила, что это без проблем можно сделать завтра, а сейчас Леночке лучше отправиться домой вместе с четой Перепелкиных, с которыми она живет по соседству.

Распрощавшись со всеми, Галина Павловна оделась в своем кабинете, выключила везде свет, заперла двери и вполне удовлетворенная отправилась домой.

Библиотека открывалась в десять утра, но Добрецова на следующий день пришла на полчаса пораньше, чтобы расставить весьма легкие диванчики, стол и стулья по своим местам. Два стула предстояло вернуть в дальний зал на втором этаже. Они обычно стояли у стены, рядом с крайними стеллажами, упирающимися торцами в глухую стену. Галина Павловна включила свет и увидела...

Между стеллажами ничком, в распахнутой куртке, раскинув руки, лежала вчерашняя девушка. На ее шее был плотно затянут красный шарф. Рядом валялась небольшая сумочка, но на ногах почему-то не было обуви.

Галина Павловна сразу поняла, что девушка мертва. Однако не закричала, не впала в истерику, лишь замерла на минуту, а потом достала из пиджака телефон и ткнула пальцем в цифру быстрого набора. Под этой цифрой значился номер ее родного брата – начальника Кураевского районного отдела полиции полковника Олега Павловича Добрецова.

Глава 2

Ноябрь выдался болезненным. В буквальном смысле слова.

Во-вторых (именно так!), грипп скопил сразу нескольких сотрудников Первого отдела регионального Следственного управления СК, и у старшего следователя майора Веры Ивановны Грозновой случился на работе аврал.

Во-первых (именно так!), Верин пятнадцатилетний сын Ярослав поскользнулся на плохо вычищенном тротуаре и со всего маху грохнулся на присыпанную тонким снегом наледь. Подозревали перелом позвоночника; к счастью, жуткий диагноз не подтвердился, но все равно пришлось проваляться неделю в больнице, а затем еще три недели оклеиваться дома.

– Хорошо, что я спиной ударился, а не головой. Сохранил главное семейное достояние. – Как большинство умных людей, Ярослав был весьма ироничен.

Вера, выдохнувшая после известия об уцелевшем позвоночнике, горела на работе. Ее успокаивало то, что за сыном есть кому приглядеть. И прежде всего – бабе Зине, которая приходилась мальчику прабабушкой. Она вовсе не была древней старушкой – в свои 74 года прекрасно сочетала мудрость и боевитость. Поскольку долго сидеть врачам Ярославу не разрешили, вторая школьная четверть обошлась без его непосредственного присутствия. И в процессе обихаживания правнука в бабе Зине просыпалась бывшая учительница, и она спрашивала:

– Ты мне можешь показать, какие выполненные задания ты отправил в школу?

На что получала встречный вопрос:

– Ты сто лет преподавала русский язык и литературу, ты в состоянии проконтролировать физику и математику?

– Ну да, – соглашалась разумная баба Зина.

Впрочем, Ярослав всегда учился легко, без всякого учительского и родительского назидания, умея быстро найти и усвоить нужную информацию. Он вообще с малолетства отличался особой любознательностью и (как заметила еще в первом классе учительница) виртуозными мозгами. Недаром получил прозвище Ярослав Мудрый.

А еще по несколько раз в день звонила живущая в последние годы в Москве бабушка Саша – дочь бабы Зины и мама Веры. Ей было 54 года, она считалась очень хорошим врачом и заботу о здоровье внука воспринимала, помимо всего прочего, своей профессиональной прерогативой.

– Ты же терапевт, а не травматолог, – охлаждал врачебный пыл Ярослав.

– Во-первых, в организме все взаимосвязано, – парировала бабушка, – а во-вторых, у меня хорошие связи в медицинском сообществе.

– У нас есть Юрий Дмитриевич Луньков.

– Но он же патологоанатом!

– Судмедэксперт! С большущими связями. И к тому же его жена – суперский травматолог. Они на пару все организовали по полной программе.

В самом начале декабря раздался звонок от Олега Павловича Добрецова – полковника полиции, начальника Кураевского РОВД, с которым Вера познакомилась в самом начале октября, во время расследования убийства фитнес-тренера в районном спорткомплексе, и с тех пор поддерживала весьма теплые отношения.

– Значит, я к вам, Вера Ивановна, с советом, – начал с ходу полковник. – По поводу сына вашего. – Вообще-то Добрецов, прослышав про беду с Ярославом, уже не раз осведомлялся, помощь предлагал. Правда, не знал, чем конкретно может помочь, а тут явно имел в виду нечто вполне определенное. – Надо бы вам с ним к нам в Кураевск приехать на лечение.

– На какое лечение? – не поняла Вера.

– Ну, не совсем на лечение, а на реабилитацию. У нас тут санаторий есть, «Светлое озеро» называется, он на Светлом озере стоит. Его еще в пятидесятых годах прошлого века построили, когда обнаружили, что на другом озере, километрах в семи, есть исключительно целебная грязь. То озеро безымянным было, а потом его назвали Грязевым, и в том месте, где грязь добывают, оно не замерзает. Так вот, за долгие годы санаторий, конечно... здание то есть... старело и старело, но сюда все равно приезжали за свежей грязью и вообще... там главврачом лет тридцать одна женщина работала, Савушкина, она лечебное дело держала и медперсонал сохранила. Она и сейчас там главврач, только теперь еще и директор есть и вообще многое поменялось. Лет шесть назад санаторий купили москвичи, вернее, один москвич, у которого сеть санаториев по стране, все реконструировал, перестроил, и вот уже года два с половиной это не просто санаторий, а прямо пятизвездочный отель. И на Грязевом озере порядок навели, никакой там кустарщины, специальную конструкцию соорудили, механизировали, нормальных работников поставили, все аккуратно, чисто, хоть ешь эту грязь, не запивая...

– Подождите! – вклинилась в весьма энергичный монолог Вера. – При чем здесь грязь? Ничего такого моему сыну не рекомендовали.

– Грязь тут совсем ни при чем, – согласился Добрецов. – Это я так, для информации. Самое главное другое. Когда обновленный санаторий открыли, из Москвы приехала всем командовать женщина, Голубович ее фамилия. А с собой она привезла уникального лекаря. Он и мануалист, и массажист, и... – в трубке раздалось шуршание бумаги, – вот, никак запомнить слово не могу, но записал: остеопат. В общем, мастер золотые руки. И этими руками он парализованных на ноги ставит. У меня сотрудник есть, у него мать несколько лет жутким радикулитом мучилась, а год назад попала к этому умельцу и обо всех хворях забыла. Так вот, в санаторий едут не только из-за грязи, многие – конкретно из-за лекаря этого. Прямо волшебник! И зовут его соответствующе – Жорес Жоржевич Ланкур.

– Да уж... язык сломаешь, – хмыкнула Вера.

– Но его все Жор Жорычем кличут, он сам это предлагает, видимо, жалеет народ. Так вот, к нему я и советую сынка вашего, Вера Ивановна, определить. Ну и вы отдохнете в санатории. Я ж сказал, прямо пятизвездочный отель. Правда, там обычно все номера на полтора-два месяца вперед раскуплены, но вы ж понимаете, всегда есть кое-что припасенное, резерв на крайний случай, а у меня есть вариант как из резерва номерок вам добыть. Конечно, санаторий не дешевый, но, если надо, я вам денег одолжу на любой срок. А будет сложно отдавать – черт с ними, с деньгами, нам с женой много не надо, обойдемся, – заверил Добрецов. – Для здоровья, тем более ребенка, ничего не жалко.

От предложения денежной помощи Вера и растрогалась, и смутилась.

– Спасибо большое, Олег Павлович, – произнесла она прочувствованно, – деньги у меня найдутся, не беспокойтесь. А о санатории я подумаю, проконсультируюсь...

– Это правильно. Подумайте, проконсультируйтесь, – сказал Добрецов на прощание.

Проконсультироваться Вера решила в первую очередь с женой судмедэксперта Юрия Дмитриевича Лунькова Ларисой Семеновной, которая работала травматологом в ведомственной больнице, где лечились сотрудники правоохранительных органов, и которая с самого начала взяла на себя всю организацию медицинской помощи Ярославу. Вряд ли, конечно, городской травматолог что-то всерьез знала про санаторий «Светлое озеро», а тем более про человека с загадочной фамилией Ланкур и смешным прозвищем Жор Жорыч, однако у Ларисы Семеновны, как и у ее мужа, были невероятные по своей обширности связи в медицинских кругах, а потому и возможности навести соответствующие справки.

Однако никакие справки Лариса Семеновна наводить не стала.

– «Светлое озеро»? Конечно, знаю, – заявила она так, словно ее спросили о месте работы ее мужа.

– И что, хороший санаторий?

– А тебе зачем? – последовал встречный вопрос.

– Мне начальник Кураевского РОВД Добрецов посоветовал отвезти туда Ярослава.

Лариса Семеновна на минуту задумалась, затем сказала:

– Там всегда была очень приличная лечебная база, прежде всего эффективные физиотерапия и грязелечение. В былые времена их грязь периодически привозили в разные городские медучреждения, ее в Кураевске довольно кустарно добывали, но, когда санаторий прикупил какой-то москвич и своих людей на хозяйство поставил, устроил монополию: теперь только в самом санатории и в городе в медицинском центре, который как бы филиал санатория, тоже называется «Светлое озеро». Но у Ярослава показаний к грязевым процедурам нет, а зазря не стоит. Хотя отдохнуть там можно хорошо, москвичи старье снесли и построили все по высшему классу.

– Вообще-то меня не класс санатория интересует, а местный врач по фамилии Ланкур, который...

– Ланкур? – перебила Лариса Семеновна. – Удивительный эскулап. Он все еще там, не вернулся в Москву?

– А вы его знаете? – обрадовалась Вера.

– Лично нет, но слышана. Врач высшей категории, остеопат, мануалист... с золотыми руками и своими методиками. Всю жизнь работал в Москве, имел очень приличную клиентуру, но, когда открылся обновленный санаторий, приехал в Кураевск. С чего вдруг?.. Впрочем, может, московский хозяин ему очень хорошо платит, а самому Ланкуру захотелось деревенского покоя, свежего воздуха... Ему ведь, кажется, за шестьдесят... не старик, конечно, но и не мальчик. А у меня есть на горизонте три человека, которые после серьезных травм специально в санаторий ездили – Ланкур только там принимает – и вернулись почти новенькими.

– То есть поехать к нему с Ярославом стоит?

– Мальчику нужна соответствующая реабилитация, поэтому однозначно стоит. Но, думаю, где-то через месячишко, когда все острые фазы пройдут.

Рекомендация Ларисы Семеновны Луньковой прозвучала почти как приказ, хотя приказы Вера терпеть не могла. Вот такой профнедостаток был у майора юстиции Грозновой. Но в данном случае это было то самое, что следовало выполнять. Однако, повинувшись опять-таки профессиональной привычке, Вера решила собрать дополнительную информацию. Позвонила сыну и поручила ему разузнать – через интернет, тут Ярослав был большим знатоком, – все возможное про санаторий «Светлое озеро» и конкретно про врача Жореса Жоржевича Ланкура.

Вечером за ужином сын сообщил:

– Я порылся и все разузнал. Значит, так...

– Сначала заканчивайте есть, а потом будете обсуждать свои дела, – прервала баба Зина и спросила: – Верочка, ты что-то затеяла и вовлекла мальчика?

Баба Зина всегда опасалась (и порой не беспочвенно), что внучка затащит правнука в какую-нибудь взрослую проблему, которая ему может навредить.

– Именно так, вовлекла, – подтвердила внучка. – Она касается здоровья Ярослава.

Идею с санаторием и врачом-кудесником баба Зина приняла с воодушевлением:

– Очень хорошо, раз специалисты советуют. – Она имела в виду Ларису Семеновну, в данном случае совершеннейшего авторитета. – И тебе, Верочка, полезно отдохнуть. А то тебя совсем на работе заездили.

– И подлечимся, и отдохнем, – подтвердила Вера и кивнула сыну: – Пойдем, показывай, что нашел.

В своей комнате Ярослав (опять-таки по рекомендации врачей) улегся на тахту, поставил на живот ноутбук и щелкнул мышкой. На экране высветился сайт санатория «Светлое озеро». Довольно симпатичный, как показалось Вере, сайт.

– Значит, так, – начал Ярослав. – Санаторий открыли на Светлом озере в пятьдесят пятом году прошлого века, когда на другом озере, в семи километрах, нашли целебную грязь. Но рядом с тем озером, его потом назвали Грязевым, строить не стали, потому что там неудобное место...

– Пропусти историю, – прервала Вера. – Давай про сегодня.

– Ладно, – не стал спорить сын. – Про сегодня. Пять с половиной лет назад санаторий, который был в довольно обветшалом состоянии, купила московская компания «Здравница». У нее еще пять санаториев по стране, а единственный хозяин – некий Сергей Терновский. Была проведена полная реконструкция жилого и лечебного корпусов, а также пункта по добыче грязи. В спальном корпусе четыре этажа: на первом – ресторан, там трехразовый шведский стол, зал отдыха с бильярдной, небольшой тренажерный зал, несколько служебных помещений, на трех других этажах – номера разной категории. В лечебном корпусе на первом этаже грязе- и водолечебница, на втором – кабинеты врачей и физиотерапии, на третьем – административные службы. Корпуса соединены закрытой галереей, везде есть лифты. Да вот, можешь посмотреть, у них на сайте фотки и видео.

Вера посмотрела. Действительно, все выглядело современно, но без перебора – пристойно и уютно.

– Есть также охраняемая автостоянка, – последовало уточнение.

– Это меня не интересует.

– Своя территория у санатория небольшая, но есть прямой выход к озеру и в лес. Там вообще вокруг лес. До центральной улицы Кураевска идут две дороги: автомобильная – два с половиной километра, и пешеходная – полтора...

– Ладно, – вновь прервала Вера. – Ты выяснил про Ланкура?

– А как же! Врач высшей категории, травматолог, остеопат, мануалист... В общем, на все руки мастер. Всю жизнь жил в Москве, работал в крупных клиниках, двенадцать лет имел свой кабинет. Я поизучал отклики пациентов. Там полный восторг!

– Замечательно!

– А также слезы, охи с ахами и всхлипы: «Почему же?!» – ухмыльнулся Ярослав.

– В связи с чем? – не поняла Вера.

– В связи с тем, что два с половиной года назад этот Ланкур закрыл свой кабинет и переехал из Москвы в Кураевск. Столичные пациенты в шоке. Понять не могут: какого лешего он сиганул из столицы в деревню? Зато местные пациенты в полной радости.

– Замечательно! – повторила Вера. – Давай смотри, что там на сайте про продажу номеров.

– Уже посмотрел. До середины февраля ничего, все распродано, – разочаровал Ярослав.

– Н-да... Олег Павлович предупреждал... Хотя... – встрепенулась Вера, – он обещал посодействовать. Олег Павлович сказал, что всегда есть что-нибудь в заглавнике. Сейчас ему звякну.

И она отправилась в прихожую, где оставила свой телефон. Нашла в контактах номер Добрецова и тут услышала крик:

– Мама! Мама! Быстро сюда!

Вера охнула и буквально в несколько скачков оказалась в комнате сына, который преспокойно продолжал лежать, вперившись в компьютер.

– Ты чего вопишь?! Перепугал насмерть!

– Ты следователь, тебе по должности не полагается быть пугливой, – отмахнулся Ярослав. – Лучше скажи спасибо, что я с сайта не ушел.

– Спасибо, – буркнула Вера. – Только за что?

– Сейчас на сайт в продажу выкинули двухместный номер. Наверное, кто-то отказался и санаторские выкинули. С третьего января. Бронировать?

– Конечно! – уверенно сказала Вера.

– Только цена нехилая. У них вообще цены нехилые. А прайс на лечебные процедуры – это отдельно. И этот Ланкур – самый дорогой. Но лечебные процедуры оплачиваются на месте, в соответствии с медицинскими назначениями.

Вера глянула на цены. Да, весьма приличные (Добрецов предупреждал и даже помощь предлагал), но все же не заоблачные. Следователь Грознова прикинула, что ей это вполне по карману.

– Бронируй, – повторила она.

Ярослав пощелкал мышкой и предупредил:

– Только выкупить нужно в течение часа, иначе бронь снимут.

– Оплатим сейчас. – Вера подумала: этот совершенно неожиданно освободившийся номер, причем двухместный, причем на период, который и советовала Лариса Семеновна Лунькова, – явно хороший знак. Значит, все будет отлично.

Она позвонила Добрецову. Выслушав информацию, Олег Павлович сказал, что тут, конечно, повезло, но, если бы не повезло, он все равно бы нашел вариант. В конце концов, он начальник РОВД, то есть не последний человек в районе.

* * *

Добрецов позвонил днем 29 декабря.

– Вера Ивановна, вы случайно не смотрели сводку за последние сутки?

«Случайно» сводки происшествий Вера не смотрела (на то имелись другие люди), ими она интересовалась исключительно в связи с конкретными обстоятельствами. А что касается последних суток, то тут следователь Грознова вообще расслабилась. Сегодня был предпоследний день ее работы, завтра ожидался предпраздничный корпоратив, а потом Новый год и – отпуск: две недели санаторного отдыха.

– Нет, не смотрела. А что? – спросила она.

В трубке послышался тяжелый вздох.

– Позавчера вечером была убита девушка, проживающая в санатории.

– В том, куда я собираюсь с сыном? – насторожилась Вера.

– Именно. Но убили ее не в санатории, а в районной библиотеке. Вчера утром обнаружили тело.

– Печально... – произнесла следователь Грознова, для которой мертвое тело всегда было печальным, однако же совершенно рядовым событием.

– Для меня лично это вообще ужасно, – мрачно сообщил Добрецов.

– Да?.. – Вера вновь насторожилась.

– Дело в том, что этой библиотекой руководит моя родная сестра Галя. У нее тоже фамилия Добрецова. Галя проводила 27-го поэтический вечер, на котором была та самая девушка, Агата Чернецкая, двадцати шести лет. Все гости досидели до конца, а Чернецкая ушла немного раньше. Никто особо на это внимания не обратил. После окончания вечера Галя проводила гостей и закрыла библиотеку. То есть она оставалась в библиотеке последней. А на следующее утро, то есть вчера, пришла на работу первой, в половине десятого утра, и обнаружила девушку на втором этаже, в дальнем отсеке, задушенной. Медэкспертиза показала, что Чернецкая пролежала мертвой часов двенадцать.

– Действительно ужасно, – искренне согласилась Вера, имея в виду прежде всего сестру полковника. – А кто ведет дело?

– Вот это-то самое отвратительное. – Добрецов издал вздох, сильно похожий на рычание. – Замначальника нашего межрайонного следственного отдела подполковник Павлинов Вадим Борисович.

– Павлинов?.. Я о таком не слышала... – озадачилась следователь Грознова, которая в той или иной мере была в курсе хотя бы фамилий коллег.

– Он у нас только три недели. Переведен из Нижнего Новгорода, из регионального управления. Такой лохотонный красавчик лет под сорок и совершенно неприкрытый карьерист. Я навел о нем справки, вроде как он подполковника получил и со дня на день ждал перевода в Москву, но его вдруг в спешном порядке отправили сюда, и даже не в город, а в нашу деревню. Представляете, какой кульбит?

Вера представила: из регионального управления человека отправляют не в Москву, а в Кураевск, пусть даже и на должность замначальника отдела... Похоже на ссылку. А ссыльный наверняка чувствует себя обиженным... А обиженный следователь – это скверно... И фамилия такая... Впрочем, фамилия тут совершенно ни при чем.

– Этот Павлинов в оперативно-следственную группу не включил никого из моего РОВД, оперов из города запросил, дескать, главная подозреваемая у него – моя сестра. И он явно хочет сделать из этого громкое и выгодное для себя дело. Понимаете, у него единственный кандидат на убийцу – моя Галя! А она, уверяю вас, Вера Ивановна, ну никак убить девушку не могла. Гале пятьдесят лет! Она всю жизнь в библиотеке! Она эту девушку отродясь не знала, первый раз увидела на вечере. Девушка-то из города. Какой мотив-то? А Павлинов в Галю вцепился. Дескать, мотив, может, и непонятен, по крайней мере пока, а возможности – налицо. Все участники вечера были друг у друга на глазах, и только у Гали нет свидетелей. Она последняя уходила, сама закрывала двери, а после никто не пытался проникнуть в библиотеку. И убили Чернецкую примерно в то время, когда Галя могла находиться в библиотеке.

Вера не знала сестру Добрецова и даже никогда о ней не слышала. Но она уже достаточно хорошо знала самого Олега Павловича, чтобы проникнуться его озабоченностью. И потому спросила:

– Чем я могу помочь?

– Ну-у... вы же в хороших отношениях со своим начальником полковником Мирошниченко... – Прозвучало это не столько вопросительно, сколько утвердительно.

– В хороших, – не стала скрывать очевидное Вера.

– Так может, попросите, чтобы он это дело к себе забрал и вам передал? Ну, на основании того, что подозревается не абы кто, а сестра начальника РОВД. Я, конечно, понимаю, у вас отпуск и все такое... – поспешно проговорил Добрецов. – Но вы же все равно к нам собираетесь, можно не в отпуск, а в командировку, а за сыном вашим мы здесь присмотрим, он все лечение пройдет, без заботы не останется...

– Вы хотите, чтобы я доказала невиновность вашей сестры? – прямо спросила Вера.

– Я хочу, чтобы вы расследовали это дело без предвзятости. Я вам доверяю, – твердо ответил Добрецов.

– Я попробую, – пообещала Вера. – Но сами понимаете, решение Мирошниченко я гарантировать не могу.

С Евгением Владимировичем Мирошниченко у Веры действительно были хорошие отношения. Когда-то он был наставником молодого следователя Грозновой, потом уехал на Север, а затем вернулся уже полковником, став непосредственным начальником – возглавил Первый отдел, который занимался преступлениями против личности и общественной безопасности. С глазу на глаз они называли друг друга на «ты», просто по имени, и в общении не слишком церемонились.

– Категорически нет! – отрезал Мирошниченко, выслушав Верину просьбу передать ей расследование в Кураевске.

– Почему? – удивилась этой категоричности Вера.

Евгений Владимирович откинулся на спинку своего офисного кресла и вроде как расслабился.

– Вообще-то я ничего объяснять не обязан, но тебе, так и быть, объясню, – сказал он после некоторой паузы. – Этот Павлинов был старшим следователем в региональном управлении, действительно ждал перевода из Нижнего Новгорода в Москву, но его резко отправили сюда, причем в Кураевск. Вот только за какие прегрешения – вопрос. Следователем Павлинов был очень хорошим, по служебной линии за ним никаких прегрешений не числится, даже мелких. Да, в Москве у него есть протекция, но Павлинов заработал ее не вальсами на паркете, а вполне конкретными делами. В общем, профессионально заслужил.

– Тогда за что его сослали?

– Думаю, за красоту. В буквальном смысле, – хмыкнул Евгений Владимирович. – Ты его не видела, а я, естественно, знаком. Так вот он – красавец-мужчина, на молодого Алена Делона похож, и причем разведенный, то есть полностью свободный для женского внимания, которого наверняка море разлитое. И я вот думаю, здесь женский след как раз и просматривается. Поскольку причина его ссылки хранится в страшной тайне, то, подозреваю, связано это с какой-то очень серьезной дамочкой. Или с ее очень серьезным мужем. Или с папой... В любом случае с кем-то, из-за кого Павлинова решили срочно отправить в изгнание, по сути, спрятать. И это несмотря на московскую протекцию.

– Ну а при чем здесь девушка, убитая в библиотеке?

– Она, разумеется, ни при чем. При чем другое. Павлинов, конечно, временщик, и это даже особо не скрывает. Но временщики чаще всего делятся на две категории. Для одних – лишь бы день просидеть да ночь пролежать. Они не станут ни особо активничать, ни тем более нарываться. Они будут четко ходить по проложенным дорожкам, чтобы и не оступиться, и на корягу не напороться. Ну то есть чтобы к ним не было претензий, но чтобы и не напрягаться особо и уж точно ничем не рисковать. Другая категория – это временщики, которые будут из мундира выскакивать, доказывая, что они самые жгучие перцы, самые крутые яйца и самые высокие Эвересты. Чтобы кому надо продемонстрировать: такого спеца негде на задворках держать, а надо поскорее двигать вперед и вверх. Так вот Павлинов из второй категории. И этого тоже особо не скрывает. За три недели, что Павлинов в Кураевске, там ничего особенного не случилось, и вдруг – такое дело. Он, конечно, ухватился. А я теперь должен у него это дело забрать? И на каком основании?

– На основании того, что здесь косвенно, конечно, но задействован начальник РОВД.

– Да неужели? – с откровенным сарказмом спросил Мирошниченко. – Ты полагаешь, Павлинов не узнает, что в начале октября именно ты расследовала убийство в Кураевске и тебе в этом усиленно помогал Добрецов? И вот теперь, извольте пожалуйста, дело, пусть косвенно, но связанное с Добрецовым, забирают у беспристрастного следователя и передают именно тебе. Исключительно правильное решение! Да после такого поворота Павлинов как пить дать напишет рапорт генералу, а то и настучит напрямую в Москву своему покровителю. И это будет исключительно здорово! Особенно с учетом приезда в феврале московской комиссии.

– Ты прав, – согласилась Вера и посмотрела многозначительно: – Но я все равно еду в Кураевск, и любой подтвердит, что путевку я купила задолго до убийства.

– Тебя никто не останавливает. – Мирошниченко тоже посмотрел многозначительно. – А уж чем следователь занимается в своем отпуске, никого не касается. Главное, чтобы он безобразия не безобразничал.

Вернувшись от начальника в свой кабинет, Вера сделала два звонка – судмедэксперту Юрию Дмитриевичу Лунькову и криминалисту Павлу Ильичу Гаврилину. По-хорошему, нужно было бы позвонить еще эксперту из компьютерно-технического отдела Тимуру Морковину, но он три дня назад уехал в отпуск, а потому выбыл из игры. Эти трое были теми людьми, кого Вера считала не только суперспециалистами, но и особо доверенными людьми. С ними можно было посоветоваться не просто неформально, а сугубо конфиденциально.

Начала она с Лунькова.

– А тебе зачем? – услышав просьбу сообщить результаты вскрытия тела Агаты Чернецкой, полюбопытствовал Юрий Дмитриевич.

– Для дела, – не стала финтить Вера.

– Для какого такого дела? Ты же в санаторий с сыночком отправляешься. Или что задумала? Смотри, пожалуйста Лялечке!

Лялечкой Луньков называл свою жену Ларису Семеновну, которую обожал и немного побаивался. А коли Лялечка указала на санаторий, то так тому и быть – и нечего накануне отъезда чужими трупами интересоваться.

– Юрий Дмитриевич, дорогой! – взмолилась Вера. – Я обязательно поеду в Кураевск, не сомневайтесь! А труп тоже из Кураевска. Вернее, живой девушка была из города, а трупом стала в Кураевске. И я хочу знать, что показало вскрытие. Но я очень не хочу, чтобы о моем интересе кто-нибудь узнал.

– Ясненько, – понимающе хохотнул Луньков. – Только я вскрытие не делал. Но для тебя, Верочка, все выясню и ничего не утаю. Утаю сей интерес исключительно от других.

Перезвонил он через полчаса.

– Значит, слушай, дорогуша. Девушка Агата Чернецкая, двадцати шести лет от роду. Так в документах написано, но с точки зрения медэкспертизы возразить нечего. В крови не обнаружены ни алкоголь, ни запрещенные препараты, ни лекарства. Впрочем, зачем бы ей понадобились лекарства, когда девушка была исключительно здоровой? Правда, если при росте метр шестьдесят пять девушка весит пятьдесят килограммов, то я не считаю это полностью нормальным.

Вера усмехнулась. Толстенький Юрий Дмитриевич, привыкший к вкусностям своей пухленькой Лялечки (не только отличного травматолога, но и превосходной кулинарки), воспринимал удобу как аномалию.

– Стройная женщина – это модно, – заметила Вера.

– Зато подобных женщин гораздо легче отправить на тот свет, – парировал Луньков. – Никакой особой силы не надо. И в данном случае, похоже, никакой особой силы и не потребовалось. Девушка умерла от механической асфиксии. На ее тоненькую шейку сзади накинута скрученный шарф, причем ее же собственный, и опять-таки скрутили концы сзади. Девушку Агату и привезли к нам с этим шарфом на шее.

– Может, шарф – инсценировка? – предположила Вера.

– Ни в коем случае! Странгуляционная полоса соответствует полностью.

– Но все же зимний шарф... наверняка вязаный... мягкий...

– Но это совсем не тот шарф, который на спицах из толстой пушистой шерсти связан. – У самого Лунькова именно такой и был, травматологом, кулинаркой да еще и рукодельницей Лялечкой связанный. – Шарф, конечно, мягкий, но плотный, смею предположить, кашемировый, но это ты лучше у Паши Гаврилина спроси. Если этот шарф скрутить, вполне можно худенькую шейку перетянуть. Особенно если все тельце лежит на полу личиком вниз.

– То есть Чернецкая лежала на полу, когда ее душили?

– Именно так. И никаких следов сопротивления.

– Странно...

– Ничего странного! – заверил Луньков. – Девушка явно была без сознания. Ее предвзвительно ударили электрошокером в шею, а это очень опасное место. К тому же много ли надо такому задохлику? Удар нанесли сзади, справа, так что преступник был правой, причем, судя по следам, либо очень высокого роста, в районе метра девяносто, либо девушка в тот момент не стояла прямо, а нагнулась.

– И больше никаких следов на теле?

– Ничего представляющего интерес.

– А какое время смерти?

– Между половиной девятого и половиной десятого вечера.
– Спасибо, Юрий Дмитриевич, – поблагодарила Вера. – Если узнаете новенькое, дайте знать.

– Всенепременно и на ушко, – пообещал Луньков.

Паша Гаврилин на просьбу поделиться информацией криминалистов отреагировал вопросом:

– А тебе зачем, там вроде межрайонщики работают?

– Ну да, – не стала отрицать очевидное Вера. – Но мне нужно. Причем сугубо между нами.

– Понял, – не стал допытываться Гаврилин. – Только не я проводил экспертизы. Но я разузнаю.

Объявился он через час.

– Значит, так. Я раздобыл копии экспертизы и фотографии с места преступления.

– Можешь мне переслать? – обрадовалась Вера.

– С ума сошла? – фыркнул Паша. – Чтобы, как говорит наш совместный друг Морковин, оставить хвосты нашего тайного любопытства?

– Ну да, – вздохнула Вера. – Я об этом не подумала...

– Просто тебе еще не приходилось тайно добывать экспертизу, – успокоил криминалист. – Я тебе просто в конце дня занесу копии. Ножками занесу и ручками передам. Так надежнее.

– Спасибо, Паша! – с чувством произнесла Вера и спросила: – А на словах можешь хоть что-то рассказать?

Она несколько не сомневалась: Гаврилин непременно сам все предварительно прочитал и посмотрел. Хотя бы по диагонали.

– Лунькова ты наверняка уже успела попытать, – Паша тоже не усомнился. – А значит, в курсе, что девушку сначала ткнули шокером, а потом задушили шарфом. Шарф из плотного кашемира, скрученный, на нем только эпителий жертвы. А вот с другими следами сплошная печалька. Следов полно, библиотека – место-то публичное, но ничего интересного. В том числе на дверях и замках. Замки довольно новые, и открывали их родными ключами, никаких дубликатов и тем более отмычек. Из свежих следов рядом с Чернецкой – только следы самой жертвы. Прежде всего на зимней куртке, она кожаная, и на сумочке, она тоже кожаная, рядом на полу валялась. Но многие отпечатки затерты. И это о чем говорит? Правильно, – не стал дожидаться ответа Гаврилин, – о том, что все это трогал преступник. Но в перчатках, не дурак, причем, скорее всего, перчатки кожаные, никаких следов резины или латекса не обнаружено. Затертости есть и в самой сумке, у внутреннего отделения, и на кошельке, как внешне, так и изнутри, на кожаной ленте внутреннего кармана куртки и даже на пуговице, на которую джинсы застегиваются. Там пуговица гладкая, металлическая, девушка не могла бы надеть джинсы, не оставив следов на пуговице, а их там нет.

– Похоже, преступник жертву тщательно обыскивал.

– В том числе, судя по всему, интересовался ее нижним бельем. Причем для удобства он девушку переворачивал на спину, на куртке обнаружены частички с пола, а потом снова вернул тело в исходное положение. Но убили ее там, где нашли, следов волочения нет.

– С одной стороны, выглядит так, будто преступник что-то ценное искал, а с другой... Чем можно разжиться у девушки, которая пришла в библиотеку? Ну хотя бы в банк она заявлялась...

– Вряд ли охотился за ценностями. В кошельке чуть больше тысячи разными купюрами не тронута. А в ушах у Чернецкой были сережки с небольшими, но бриллиантами, так вот они тоже на месте. И сейфа у нее в номере не было, сейф в санатории отдельно заказывают.

– А телефон?

– Телефон как раз пропал. Но это-то расхожая ситуация. Зато сильно странная – обувь.

– В каком смысле? – не поняла Вера.

– На девушке на было обуви. Она лежала в носках. И нигде, ни в библиотеке, ни в окрестностях, обувь не нашли.

С разными пропажами сталкивалась Вера, но чтобы преступник оставил бриллиантовые сережки и украл обувь, такого никогда в практике следователя Грозновой не случилось.

Странно... До нелепости странно...

Глава 3

То, что полковник Мирошниченко отказался передать дело майору Грозновой, полковника Добрецова в принципе не удивило. Обычная девушка... это тебе не фитнес-тренер с его особым родством, ради которого в начале октября в Кураевск срочно отрядили Веру Ивановну. Опять же Павлинов мгновенно распушил хвост, а он не обычная птица, у него перо из хвоста запросто не выдернешь.

Но то, что следователь Грознова решила заделаться по сути частным детективом, удивило очень.

Время от времени Олег Павлович посматривал детективные фильмы, где прямо косяками ходили частные сыщики, причем оказывалось, что они-то и есть самые умные, хваткие и успешные. Очень часто с ними поначалу конфликтовали те, кто обязан заниматься преступлениями по долгу службы, но потом нередко наступало перемирие, порой дружба, а иногда любовь. Над всем этим Олег Павлович посмеивался: кино – оно и есть кино, покажешь обычную работу, и никто смотреть не станет.

Сам же он за свою многолетнюю службу ни с какими частными детективами даже не пересекался. И вдруг такой поворот!

– ...В общем, я все равно еду в Кураевск, а чем буду заниматься в свой законный отпуск – мое частное дело, – подытожила Вера Ивановна.

– То есть вы вроде как нелегально? – уточнил Добрецов, вспомнив, что частные детективы расследуют убийства только в кино и книжках, а в реальной жизни им это запрещено.

– Совершенно верно, – подтвердила вполне официальный следователь Грознова. – Я не собираюсь никому рассказывать, где я работаю.

– Но ведь вас в Кураевске может кто-то узнать...

– Кто? Меня здесь видели всего несколько человек, и они не имеют никакого отношения к библиотеке. В ваше РОВД я даже носа не суну. И вообще, не планирую особо в Кураевске показываться, здесь, уверена, все отработает Павлинов. А я сосредоточусь на санатории. В конце концов, Чернецкая там провела десять дней, оттуда уехала в библиотеку и не вернулась. И с вами мы будем контактировать исключительно тайно, – подчеркнула Грознова.

«Уф!.. – мысленно выдохнул Добрецов. – Прямо разведчики-нелегалы». Разведчиков-нелегалов, как и частных детективов, Олег Павлович тоже видел только в кино.

* * *

Именно ради сохранения тайны договорились: третьего января Грознова с сыном приезжают в «Светлое озеро», обустроиваются, а в половине седьмого вечера Добрецов будет ждать их на своем личном автомобиле на дороге, которая ведет к санаторию, метрах в четырехстах от спального корпуса, за поворотом. А затем отвезет к сестре домой – на ужин и для детальной беседы: Олег Павлович тоже кое-что успел разузнать по своим каналам.

Во втором часу дня Вера Ивановна позвонила и сообщила: добралась с Ярославом отлично, санаторий прислал в город микроавтобус, приехали еще пять человек; где место предстоящей встречи, она заметила; в номер заселятся в два часа, а пока пойдут на обед; сегодня врачебного приема не будет, все начнется с завтрашнего дня, а пока они устроятся и осмотрятся.

Вообще-то полковник предполагал, что соберутся у сестры втроем.

Галин муж, Володя, работал инженером на ТЭЦ посменно и в тот вечер как раз уходил на смену. Узнав о важной гостье, хотел подмениться, но Олег Павлович сказал, дескать, лишние свидетели не нужны, Вере Ивановне это может не понравиться.

При этом самому Олегу Павловичу совсем не глянулось, что Грознова хочет явиться с сыном.

– Может лучше парнишку завезем ко мне домой? Жена моя его и покормит, и присмотрит...

– Нет, не лучше, – отвергла предложение Вера Ивановна. – Мне, конечно, не хотелось бы Ярослава впутывать в это дело, но, боюсь, без него не обойдемся.

– То есть? – изумился Олег Павлович. Полковник и майор не обойдутся без пацана?

Вера Ивановна вздохнула.

– Понимаете, нам может понадобится информация, которую надо уметь искать. Прежде всего в интернете, на сайтах, в чатах... Ну, понятно, не из закрытых баз, но... – она снова вздохнула, – в том числе из, скажем так, не совсем открытых источников. У меня есть эксперт в компьютерно-техническом отделе, которому я полностью доверяю, он способен найти такую информацию, от которой только эхо осталось, но его сейчас нет, в отпуск уехал, поэтому придется понадеяться на сына. Но он умеет держать язык за зубами, даже не сомневайтесь! – заверила твердо.

Ну и ну, подумал Добрецов: полицейский и следователь занялись подпольным расследованием, да еще и мальчишку собрались подключить... Просто кино какое-то.

...Сестра Галя, конечно, расстаралась. Стол накрыла, как на праздник, причем расстелив парадную льняную скатерть. Вера Ивановна ела с удовольствием, Ярослав – с большим аппетитом, и оба нахваливали кулинарные способности хозяйки совершенно искренне, в чем Олег Павлович ничуть не усомнился: Галя всегда славилась своей готовкой. За ужином беседовали о том о сем, но ни слова о деле, и Добрецов понял: гости сестре понравились, а главная гостья явно расположилась к главной подозреваемой. Впрочем, главная подозреваемая Галя – это для напыщенного карьериста Павлинова, а следователь Грознова наверняка думает по-другому, иначе не стала бы ввязываться, причем в свой отпуск, да еще и ввязывать сына. Участие Ярослава явно озадачило сестру, но брат посмотрел многозначительно, и никаких комментариев не последовало.

О деле заговорили после ужина.

– Давайте договоримся, – сказал Вера Ивановна. – Вы, Галина Павловна, мне обрисуете ситуацию вечера 27-го и утра 28-го, я вам буду задавать вопросы, периодически перебивать в процессе ваших ответов, а если я о чем-то не спрошу, но вы посчитаете это важным, обязательно сами скажите. И не думайте, будто что-то мелочь. Любая мелочь может пригодиться.

– Конечно, – охотно согласилась Галина.

– Значит, 27-го у вас был поэтический вечер. Его проводили вы?

– И Леночка Шумкина, наша молодая сотрудница, чудесная девочка, третий год работает, окончила заочно библиотечное отделение института культуры. Она и была главным организатором вечера.

– Вечер планировали заранее?

– Конечно. У нас такие вечера, а также творческие встречи проходят регулярно, к тому же днем мы тоже проводим различные мероприятия, прежде всего для детей, а еще у нас есть клуб друзей библиотеки, там совершенно замечательные люди, очень библиотеке помогают... В общем, мы не только книги выдаем, у нас довольно активная культурно-просветительская работа. И – да, мы заранее составляем план, он вывешен в большом зале на первом этаже, к тому же его размещают в районной газете и на главном кураевском сайте. Мы заранее даем объявления, в том числе их вывешивают в санатории, там нас поддерживают. О поэтическом вечере мы известили за неделю.

– И много народа собралось?

– Мы ожидали меньше. – Галина с легким недоумением развела руками. – Все-таки предпраздничные хлопоты... И погода... скверная была погода... не холодная, но с сильной метелью и ветром. Но пришли двадцать четыре человека. Очень неплохо. В том числе семеро приехали из санатория, их на микроавтобусе привезли. Две супружеские пары, две женщины, видимо, подруги, и девушка, та самая, которая оказалась Агатой Чернецкой.

– Из тех, кто к вам пришел, вы кого-то знали?

Галина вдруг рассмеялась.

– Кураевск, конечно, не деревня, но все равно тех, кто регулярно посещает наши мероприятия, не тысячи. А я в библиотеке работаю почти тридцать лет. Поэтому в той или иной мере совсем незнакомых нет. Кроме тех, которые из санатория. Их я вообще никогда раньше не видела.

– Минуточку, – решил вклиниться Олег Павлович. – Ты, Галя, никого не видела, зато эту самую Чернецкую видела Шумкина. И еще там одна из ваших, как там ее...

– Да-да! – спохватилась Галина. – Это уже потом Леночка рассказала. Она и Мария Сергеевна, наш старший библиотекарь, – уточнила для Грозновой, – видели девушку Агату дней за пять до того. Девушка приходила в библиотеку, побродила везде, у нас два этажа и на каждом два зала, большой и поменьше, просто смотрела, спрашивала, где какие у нас книги... Ну, вроде как знакомясь. У нас такое нередко бывает, если кто в первый раз, знакомятся с библиотекой... Это нормально. Но в итоге девушка ничего не взяла и читательский билет, даже временный, не оформила. Леночка тогда девушку видела мельком, с ней Мария Сергеевна общалась, поэтому вспомнила только потом, когда ее следователь Павлинов допрашивал... Этот Павлинов всю душу из нас вытряс! Он...

– Стоп! – хлопнул ладонью по столу Добрецов. – Здесь Павлинова нет.

– Да, да... – с облегчением вздохнула сестра.

– Значит, у вас собрались двадцать четыре человека. – Вера Ивановна ободряюще улыбнулась.

– Насколько я выяснил, Павлинов и оперативники со всеми переговорили, но, похоже, без особого толка, – вновь вклинился Олег Павлович.

– Оставим их, – кивнула Грознова. – Давайте лучше вспомним в подробностях тот вечер.

Все эти подробности Добрецов уже знал, мог вместо сестры рассказать, но, разумеется, в данном случае вмешиваться не стал.

– Начало было назначено на девятнадцать часов, – уверенно (как-никак не в первый раз) заговорила Галина. – Где-то за полчаса пришли супруги Перепелкины, Алексей Семенович и Анна Васильевна. Они пенсионеры, много лет в школе литературу преподавали, так что, сами понимаете, к книгам по-особому относятся. Они наши главные члены клуба друзей библиотеки. Они пришли заранее, чтобы помочь, если надо, но было не надо, мои сотрудницы, прежде чем разойтись по домам, уже к шести часам быстренько все расставили в зале, даже переносные вешалки.

– Сотрудники разошлись по домам к шести часам? – уточнила Вера Ивановна. – А до какого часа вообще работает библиотека?

– С десяти утра и до восьми вечера. А если у нас мероприятия, как в тот раз, то и до девяти.

– Но вы всех отпустили?

– Мы вполне могли справиться вдвоем с Леночкой, а это же были предпраздничные дни... много домашних хлопот... а коллектив у нас женский. Потому и отпустила пораньше.

Ну да, подумал Олег Павлович, Павлинов к этому сильно прицепился. Будто не соображает, что к Новому году за один день не подготовишься, а в основном все на женщинах, и Галя это понимает. А Павлинов какие-то тайные замыслы ищет.

– А зачем вы вешалки в зал принесли? У вас разве нет гардероба?

Вопрос был столь неожиданным, что сестра даже растерялась.

– Почему нет? Есть. Прямо сразу при входе в библиотеку...

– А почему люди там не разделись?

– А-а!.. – сообразила Галя. – У нас напротив гардероба посменно сидят двое охранников.

Не из фирмы специальной, на это денег не выделяют, мы просто нанимаем, но вполне надежные мужчины. И непьющие. Так вот они одновременно и гардеробщиками как бы работают. У нас же обычно столпотворения не бывает, они вполне справляются. Но один из охранников грипповал уже десять дней, за него сменщик работал. Кажется, работа не слишком тяжелая, но сидеть на одном месте по десять часов каждый день – это все-таки утомительно. Поэтому я его тоже отпустила вместе с другими сотрудниками. Ну и вешалки в зал перенесли, чтобы люди прямо в зале свою одежду повесили.

– Входную дверь заперли, когда вечер начался?

– Зачем? Мог ведь кто-то еще прийти... опоздать...

– То есть охранника не было, кто угодно в библиотеку мог зайти, а вы бы стихи читали и ведать ничего не ведали?

Прозвучало это с иронией, Добрецов заметил, но сестра не обратила внимания.

– Ну почему же? Мы бы услышали, – сказала она. – Во-первых, зал, где мы сидели, недалеко от входа, а дверей у нас в залах нет, у нас большие арки. А во-вторых, если бы кто зашел в библиотеку, колокольчик бы зазвенел. У нас к косяку внутренней двери крючок приделан, а на нем колокольчик закреплен, и если охранник отлучается или его вообще нет, мы колокольчик на шнуре над дверью свешиваем, так в некоторых магазинах делают. Когда дверь открывается, а она у нас внутрь открывается, колокольчик звенит. Он, конечно, не корабельный колокол, но тоже достаточно громкий. Так вот вечер наш был рассчитан на полтора часа, до половины девятого, никто не опоздал и к нам не заходил, а минут двадцать девятого Чернецкая взяла свою одежду, и вскоре колокольчик звякнул. Мы решили, что она ушла. В половине девятого вечер закончился, и все стали постепенно расходиться. Первыми ушли санаторские, за ними микроавтобус приехал. Правда, одна женщина быстро вернулась, спросила, не здесь ли девушка, ну то есть Агата, но ее не было. Леночка даже сбегала проверить в туалет, мало ли, но там тоже не было. Подумали, что она либо в санаторий пешком отправилась, по аллее освещенной всего полтора километра, либо еще куда-то. Но никто не заволновался.

– Гости расходились на ваших глазах? – спросила Грознова.

– Да, я всех провожала.

– И на второй этаж никто не поднимался?

– Никто. Там мы вообще свет не включали. А лестница рядом, из коридора, я бы увидела.

– То есть вы лично проводили всех?

– Да, последними были Перепелкины, я с ними Леночку отправила. Они живут по соседству. Леночка хотела задержаться, помочь расставить все в зале на прежние места, но я сказала, что завтра все расставим. Все-таки молоденькая девушка, а уже было поздно... Нам-то с ней в разные стороны. Поэтому я одна осталась в библиотеке.

– И долго вы пробыли там?

– Ну-у... я заглянула в туалет, он в конце коридора на первом этаже, выключила там свет. Потом пришла в свой кабинет, у нас все кабинеты тоже на первом этаже, еще раз все проверила, оделась и ушла, заперев, разумеется, и внутреннюю, и внешнюю двери. Я, признаться, на часы не смотрела, но я ненадолго задержалась.

– Вас никто с работы не встречал?

– Если я задерживаюсь, меня часто муж встречает, хотя мне ходу минут пятнадцать. А в тот вечер он на смене был. Как сейчас.

– И по дороге никого не встретили?

– Никого. Погода была не для прогулок.

– А видеокамер у вас в библиотеке нет?

– Нет. Считается, что нам без надобности. И сигнализации у нас нет. Раньше на окнах первого этажа железные решетки стояли, но несколько месяцев назад явились пожарные с проверкой и устроили нагоняй. Дескать, решетки нарушают пожарную безопасность. Пришлось срезать. Сигнализацию нам вообще-то обещают в этом году, но кто знает... У нас ведь ничего ценного здесь нет. Бухгалтерии своей у нас нет, значит, и деньги не держим. Ценных книг у нас тоже нет. Мы – обычная районная библиотека. У нас что воровать? Обычные книги? Так можно прийти и бесплатно взять почитать. Правда, месяца три назад нам поставили новые входные двери с хорошими замками. Уж не знаю, правда ли, но уверяли, будто наши замки просто так не вскрыешь.

– То есть вы ушли из библиотеки последней и пришли первой, – констатировала Грознова.

– Именно так. К семи утра муж с ночной смены приехал, ну и я проснулась. Мы позавтракали, и я решила прийти на работу пораньше, в зале убрать, у нас там все довольно легкое. Я пришла в половине десятого, еще никого не было, сдвинула на место диваны, потом взяла два стула и понесла на второй этаж, в дальний зал. А там, между двумя самыми последними стеллажами, увидела лежащую девушку. И сразу позвонила брату... А следом появилась Леночка, затем охранник... Ну а потом уже началось все на свете... – Галина тяжело вздохнула.

– Я слышал от криминалиста, что убили девушку именно там, – сказал Добрецов, обращаясь к Вере Ивановне. – Значит, она сама туда пришла. Какого черта?

– У нас туда вообще посетители редко заходят, – пояснила Галина.

– Да? А почему? – заинтересовалась Грознова.

– На тех самых двух крайних стеллажах стоят книги, которыми редко интересуются. Это в основном узкоспециальные книги, по животноводству или энергетике, к примеру. А те, кому что-то узкоспециальное нужно, обычно из интернета берут. Опять же книги эти не самого свежего издания. Нам летом обещают доремонтировать подвал, так мы их туда спустим, чтобы место не занимали, а если кому понадобится, по каталогу найдем и поднимем. Правда, есть одна полка с книгами, которые хорошо бы почаще читали... – Галина с сожалением вздохнула. – Это античные авторы. Платон, Аристофан, Овидий, Геродот... Очень редко кто берет. Даже «Иллиаду» Гомера в прошлом году брали всего два раза. Но эти книги мы оставим в зале.

– Ну вряд ли девица хотела Гомера стащить, – хмыкнул Добрецов.

– А может, что-то оставить? – предположила Вера Ивановна.

– Насколько я знаю, а знаю я несколько больше, чем Павлинов надеется, мы тут все-таки, в отличие от него, все свои, – начальник РОВД вновь хмыкнул, причем довольно язвительно, – там везде осмотрели, даже собаку вызывали, подозревали, что девица оставила закладку с наркотиками, но ничего не нашли. И у самой девицы ничего путного не нашли. Исчез телефон, но это-то расхожее дело. Но исчезла обувь!.. Вот это загадка...

– Да, странно, – согласилась Вера Ивановна.

– Причем уж точно ее обувь была не из золота. И даже не какая-то уж слишком дорогая. Криминалист, которая первой на место приехала, женщина модная, у нее муж бизнесмен, так вот она сразу определила, что одежда на девушке хорошая, но обычная. Да и сама Чернецкая, это уж я потом вызнал, самая обычная. Двадцать шесть лет, не замужем, живет с родителями-инженерами, есть еще брат, но он семейный, живет отдельно. Два года Чернецкая работает в торговом центре «Сатурн», в сервисном центре магазина «Техно-класс», это большой магазин, торгует телефонами, компьютерами и всякими подобными вещами. По нашим базам девица даже краем не проходит, даже на уровне дорожных штрафов. Впрочем, у нее машины нет и даже водительских прав нет. И вот кто и за что ее может убить? Даже внятной версии нет.

– А я знаю, кто ее мог бы убить, – неожиданно подал голос Ярослав, который сразу после ужина перебрался в кресло в углу и сидел там молчком, причем (вот уж диво для пацана) даже не пялился в телефон.

Все трое повернули к нему головы, посмотрев с разной степенью удивления.

– То есть я знаю, кто наверняка мог убить девушку, – уточнил Ярослав.

– И кто же? – не стал скрывать скепсиса Добрецов.

– Тот, кто не ходит постоянно в библиотеку или вообще там ни разу не был.

– Поясни, – велела мать.

– Запросто, – спокойно отреагировал сын. – Все дело в колокольчике. Он звякнул, и вы, – Ярослав кивнул Галине, – решили, что девушка ушла. Так, да?

– Да, – подтвердила Галина.

– А она никуда не уходила, совсем наоборот, это убийца пришел.

– Самый логичный вариант, – признал Олег Павлович.

– Так вот все, кто в библиотеку постоянно ходит, наверняка про колокольчик знают.

– Мы этого не скрываем.

– А душитель про него не знал. Иначе бы ничего у вас не звякнуло. Да я вам сейчас покажу.

Ярослав вылез из кресла, вышел в коридор, прикрыл дверь, которая распахивалась внутрь комнаты.

– Представьте, что вот тут, на косяке, висит колокольчик, – крикнул он из коридора. – Если я просто дверь открою, он звякнет. А теперь...

Дверь чуть отползла, в образовавшуюся узкую щель протиснулась ладонь, которая перехватила невидимый колокольчик, зажала его в кулаке, после чего дверь полностью открылась и в комнату зашел Ярослав, держа руку несколько на отлете.

– Вот так просто. Ваш колокольчик у меня в кулаке, а потому помалкивает. Если бы душитель знал про колокольчик, он бы проверил, висит ли этот трезвон, а потом его просто бы заткнул. Так что, как у вас принято говорить, сужается круг подозреваемых.

– Мо-ло-дец! – искренне похвалил начальник РОВД, которому такой вариант в голову не приходил.

– Просто у меня глаз не замыленный, – отозвался Ярослав.

Глава 4

В санаторий Вера с сыном вернулась почти в одиннадцать вечера, совершенно вымотанная переездом, обустройством, долгим общением с Добрецовыми... Длинным и довольно уютным получился день.

За стойкой администратора сидела девушка с бейджиком на груди «Жанна» – явно сменица Даши, которая днем занималась оформлением Грозновых.

– Простите, вы случайно не Вера Ивановна? – осведомилась Жанна.

– Совершенно случайно я, – ответила Вера.

– Очень хорошо! А я вас искала, дважды к вам в номер стучала, но вас не было, а я должна вам талончик на завтра к врачу передать.

– Воткнули бы в дверь. – Вере показалось это самым разумным.

– Вы что?! – Жанна аж глаза вытаращила. – У нас так не полагается! Это же сугубо личная информация! А если бы кто мимо проходил и из любопытства взял бумажку и прочитал?

– Так у вас почти все такие бумажки получают, – пожала плечами Вера.

– Все равно не полагается. Частная жизнь наших гостей – это сугубо частное дело самих гостей, – веско изрекла администратор, и следователь Грознова подумала, что разузнать какую-то информацию про Агату Чернецкую в санатории будет гораздо труднее, чем кажется. – Вам завтра к врачу к девяти пятнадцати. В восемь у нас начинается завтрак, вы вполне успеете. А потом пойдете в лечебный корпус на второй этаж, в кабинет двести третий к Валентине Тимофеевне Савушкиной, нашему главному врачу.

– Прямо к самому главному врачу?

Такое особое внимание Вере показалось странным. В конце концов, в анкете при заселении она ничего не написала о месте работы и должности, то есть никак не обозначила статус, требующий участия на самом высоком уровне.

Администратор вдруг смутилась.

– Понимаете, у нас вообще три врача, но лечебное отделение по полному графику начинает работать только с завтрашнего дня, поэтому ожидается, что пациентов... то есть клиентов... будет больше обычного. И чтобы никто особо не ждал, часть клиентов Валентина Тимофеевна взяла на себя. В том числе вас.

Вера мысленно хмыкнула. Ну да, конечно, завтра набегут страждущие с чемоданами болезней и соответствующими разбирательствами по линии врачей, а у нее, вернее Ярослава, всего одна болячка, конкретно описанная, – дел на пять минут. Главврач мужественно возьмет на себя эти минуты.

– Вы знаете, как пройти в лечебный корпус? – спросила Жанна, и Вера кивнула:

– Знаю. Спасибо. Мы с сыном уже успели осмотреться.

Они действительно успели. После обеда (отменного, не придерешься, шведского стола), заселения в номер (довольно большой, с окном в сторону озера, с двумя кроватями, креслами, журнальным столиком, вполне приличным столом у стены, чайником, холодильником, телевизором и прочими причудами) и до момента отъезда в гости к Галине Павловне Добрецовой образовались свободные почти три часа – вполне достаточное время, чтобы изучить в целом обстановку.

Человек, занимавшийся реконструкцией санатория, явно тяготел к функциональности и архитектурной четкости. В четырехэтажном спальном корпусе не было колонн и всяческих наворотов (и колонны, и навороты имелись в старом здании, чьи фотографии разместили на сайте в качестве исторической справки), зато была большая, из тяжелого дерева парадная дверь, обращенная в сторону озера. По одной линии со спальным корпусом стоял трехэтажный административно-лечебный корпус: торцы зданий соединяла крытая галерея.

Территория санатория напоминала сильно вытянутый прямоугольник и действительно не впечатляла размерами (на сайте это не скрывалось). Перед корпусами тянулась примерно сорокаметровая полоса с кустарниками, вдоль нее – дорога, а за дорогой открывался вид на лес и непосредственно на озеро. Периметр был обнесен металлическим забором из светлых прутьев – не раздражающим взор, но надежно охраняющим территорию. Над парадными дверями корпусов Вера заметила видеокамеры. Однако внутри спального корпуса их не обнаружила. И охранников не обнаружила, а они наверняка были – да вот хотя бы за большой золотистой панелью, расположенной рядом со стойкой администратора и наверняка представляющей собой одностороннее зеркало: с внутренней стороны все хорошо видно, а снаружи ничего не заметно.

– На всякий случай имейте в виду: у вас в номере лежит информационная папка, в ней есть буклет с подробным планом корпусов и в целом территории, а также обозначением, где что находится и как куда пройти, – сообщила администратор. – Очень удобно, вы точно не потеряетесь.

– Действительно, удобно, – согласилась Вера и прикинула: такое удобство может сильно пригодиться.

* * *

Предположение, будто главврач выбрала Ярослава потому, что ей не хотелось особо напрягаться-замудряться, оказалось совершенно ошибочным.

Сначала Валентина Тимофеевна Савушкина внимательно прочитала медсправки. Затем принялась расспрашивать о самочувствии с уточнением деталей. После со всех сторон прослушала Ярослава, измерила давление, температуру и заглянула в горло. Следом прощупала живот и спину, руки и ноги. И все это делала не спеша, с тщательностью человека, привыкшего ко всему подходить основательно.

– Ну что ж, юноша, – Савушкина не назвала подростка мальчиком или, хуже того, ребенком. Учла психологию. – Все вполне прилично.

И улыбнулась. В который уже раз. Причем не дежурно, а вполне искренне, даже как-то по-домашнему.

От Валентины Тимофеевны вообще веяло домашностью. Она была пышнотелой, с круглым, без малейшей косметики, лишь с легким налетом светлой помады, довольно молодежьим для пенсионного возраста лицом, со светлыми буклями, аккуратно разложенными на голове, с добродушно-внимательным взглядом сквозь стекла очков, с высоким теплым голосом. Валентина Тимофеевна напоминала уютную тетушку из детских книжек, которая и мудрый совет даст, и вкусными пирогами накормит. Визит к таким докторам обычно улучшает настроение и самочувствие даже у самых закоренелых ипохондриков. Вера подумала, что новое руководство санатория не зря оставило Савушкину на прежней должности. Опять же, судя по всему, она действительно квалифицированный и внимательный врач.

– Да, в целом все вполне прилично, – повторила Валентина Тимофеевна, – но вы, Вера Ивановна, правильно решили воспользоваться услугами нашего замечательного доктора Ланкура.

– И сколько будет процедур? – спросила Вера, на что Савушкина развела руками:

– Ну этого я никак не могу знать. Жорес Жоржевич посмотрит юношу и определит схему лечения. Только он! У него сугубо индивидуальный подход к каждому.

– А когда платить и сколько?

– Ну, ориентировочную стоимость одной процедуры вы знаете, а сколько их понадобится и какие именно, определит только доктор Ланкур. Он заранее назовет вам цену, но платить станете по итогу. Жорж Жоржевич выставит счет, и вы рассчитаетесь у нас в кассе.

– А какие-то дополнительные процедуры моему сыну не требуются? Например, ваша знаменитая грязь?

Уж тут-то, по мнению Веры, Савушкина могла дать полную информацию.

Валентина Тимофеевна в очередной раз улыбнулась.

– К нам, знаете ли, порой приезжают люди, которые хотят получить абсолютно все. И приходится им объяснять, порой весьма настойчиво, что физиотерапевтические процедуры – это не то, чем можно пользоваться без всякого удержу. В противном случае либо не будет должного эффекта, либо вообще эффект будет отрицательным. Так вот, вашему сыну, на мой взгляд, вполне будет достаточно доктора Ланкура, ничего дополнительного ему не требуется, в том числе грязелечения.

А она действительно не только хороший, но и ответственный врач, отметила про себя Вера. Многие другие тут же предложили бы целый пакет услуг по принципу «любой каприз за ваши деньги», а эта, по сути, от денег отказывается – исключительно в интересах пациента.

– Я вам сейчас оформлю медицинскую карту и выпишу направление. Прием будет назначен на десять двадцать, обычно он длится сорок минут, ну, чтобы вы ориентировались, – сказала Валентина Тимофеевна и принялась тыкать по клавиатуре одним пальцем.

От подобного общения с компьютером у Ярослава губы растянулись в ухмылке, но Вера бросила на сына короткий предостерегающий взгляд, и тот немедленно принял серьезный вид. Савушкина, к счастью, ничего не заметила, напряженно сосредоточившись на мониторе и собственном пальце.

– Ну вот, сейчас распечатаю и вы все получите на руки. – Валентина Тимофеевна вновь ткнула в клавишу и перевела взгляд на принтер, который был водружен на небольшой столик, зажатый между стеной и торцом основного стола.

Принтер, однако, никак не отреагировал.

Савушкина вновь потыкала пальцем, в том числе в кнопку включения принтера, но без всякого результата. После чего издала тяжкий вздох, достала телефон и через несколько секунд буквально взмолилась в трубку:

– Виталик! Приди, пожалуйста, побыстрее! У меня сидят люди, а принтер не работает! – После чего с виноватым видом обратилась к Вере с Ярославом: – Ну вот, опять с этой техникой проблемы... Но сейчас придет Виталик, наш системный администратор, и все решит. Виталик совершенно замечательный специалист! И чудесный молодой человек! Просто палочка-выручалочка!

Палочка-выручалочка появилась минуты через три в образе симпатичного сухощавого парня в возрасте около тридцати с весьма выразительными голубыми глазами и волнистыми светло-русыми волосами, забранными сзади в короткий пушистый хвостик. Если бы парень был артистом, то наверняка играл бы роли лирических героев.

– Здравствуйте, – кивнул он Вере с Ярославом, пробежался пальцами по клавишам компьютера, нажал кнопку включения принтера, после чего скомандовал: – Отойдите, Валентина Тимофеевна.

Савушкина, несмотря на грузность фигуры, буквально выпорхнула со своего места, Виталик откатил офисное кресло и полез под приставной столик. Через несколько секунд раздалось нечто похожее на писк, и на принтере загорелся зеленый огонек.

– Вот, все работает, – сообщил Виталик, выбираясь из-под стола и одергивая джинсы.

– А что ж такое с ним было?! – воскликнула Савушкина.

Сисадмин молча вздохнул. Он явно не собирался ничего объяснять при посторонних.

– Нет, ну я же должна понимать! Как же без понимания-то?! – не унялась главврач, и Виталик, бросив короткий взгляд на посторонних, уставился на нее с жалостливой укоризной.

– Вы просто не вставили нормально вилку провода в розетку, вот принтер и не работал.

– Ой! – всплеснула пухлыми руками Савушкина.

– А вилку нормально не вставили, потому что розетка разболталась. А разболталась она потому, что вы постоянно тычете в нее туда-сюда. А я вам уже не раз объяснял: не надо ничего делать с электропитанием. Выключили компьютер, выключили принтер, и достаточно. Не трогайте провода.

– А вдруг короткое замыкание? – спросила Валентина Тимофеевна.

– Вы дома электроплиту отключаете от сети? – последовал встречный вопрос.

– Не-е-ет...

– Ну вот. И здесь то же самое.

Виталик вновь вздохнул и двинулся к двери, при этом стараясь ни с кем не столкнуться взглядом. Вероятно, не хотел, чтобы по этому взгляду было понятно, насколько сисадмин в данном случае презирает главврача. Он уже взялся за ручку двери, когда его окликнул Ярослав.

– Случайно не вы делали сайт санатория?

Виталик обернулся.

– Я.

– Классный сайт!

Создатель сайта ухмыльнулся с явным удовольствием.

– Только у вас там есть пара мест, где ссылки идут, так их можно сделать удобнее.

– Вот как? – Сисадмин приподнял и опустил брови. – Готов показать?

– Запросто! – откликнулся Ярослав.

– Ну тогда заходи, как время будет, потолкуем. Я в этом корпусе на третьем этаже, в триста шестом кабинете.

Валентина Тимофеевна посмотрела на закрывшуюся за сисадмином дверь и произнесла добродушно:

– Вот приборы в физиотерапии я отлично знаю, а с оргтехникой у меня регулярные проблемы. И Виталик на меня постоянно сердится. Но он славный молодой человек. Думаю, тебе, Ярослав, будет интересно с ним пообщаться.

* * *

Кабинет Ланкура, так же, как и главврача, находился на втором этаже, только чуть дальше по коридору. И, судя по расположению, тоже окнами на озеро. Вера стукнула в дверь и услышала громоподобное:

– Пра-а-шу!

Судя по мощности звука, голос явно должен был принадлежать эдакому богатырю-гиганту, способному, словно Соловей-разбойник, одним окриком разить врагов. На фотографии, выставленной на сайте санатории, Ланкур, конечно, не выглядел задохликом, однако же и на громилу не походил. Впрочем, по портретному фото трудно было судить о «масштабе».

Вера с Ярославом отреагировали на это «пра-а-шу!» естественным образом – открыли дверь и зашли в кабинет. Вернее, сначала оказались в небольшой комнате, своего рода прихожей, где стояли два креслица, два стула, небольшой шкаф для одежды и две корзины с надписями «чистые бахилы», «грязные бахилы». Окон здесь не было – горели два боковых светильника. Впрочем, могли в данном случае и не гореть, поскольку дверь из прихожей в комнату была распахнута, и оттуда лился зимний солнечный свет.

Хозяин кабинета вовсе не смотрелся громилой – рост имел средний. Однако фигурой походил на бывшего борца: с крупной головой, увенчанной жестким седым «ежином» волос и сидящей на крепких плечах без, казалось, посредства всякой шеи, с почти квадратным туловищем и лопатообразными ладонями. Внешне он чем-то смахивал на полковника Добрецова.

На фотографии с сайта широкое мясистое лицо Ланкура выглядело строгим, в жизни же – по крайней мере сейчас – добродушным и даже слегка веселым.

– Пра-а-шу! – пророкотал он громовым басом и махнул рукой в сторону своего кабинета.

Посреди него стоял большой массажный стол, вдоль стен – еще два, небольших, с компьютером, принтером, подобием этажерки для папок и канцелярскими принадлежностями, а также узкий диван, вешалка, пара стульев. В углу блистали белизной раковина для умывания и перекладина с полотенцами. А рядом находилась еще одна дверь, плотно закрытая.

– Ну что ж, будем знакомиться! – провозгласил Ланкур. – Я – Жорес Жоржевич, но меня многие зовут Жор Жорыч, и вы так зовите тоже.

– Ярослав, – представился пациент.

– А я Вера Ивановна, – сообщила мать пациента и протянула карточку с направлением, которую Ланкур быстро пробежал глазами, кивнув:

– Сейчас определимся.

– Мы можем называть вас Жоресом Жоржевичем, – сказала Вера.

– Ерунда! – отмахнулся Ланкур. – Ко мне постоянно приходит столько поломанных – в буквальном смысле! – людей, что заставлять их еще и ломать язык на моем имени я считаю совершенно негуманным.

И он захохотал. А Вера подумала, что есть в этом мужике нечто очень притягательное.

А потом, наблюдая, как Ланкур сначала аккуратно прощупал спину, плечи, ноги и руки сына, затем принялся выписывать своими пальцами какие-то пируэты, где-то надавливать, где-то слегка поворачивать... и все это в сопровождении непринужденной беседы, на которую охотно откликался Ярослав, поняла, что, вероятнее всего, это обаяние истинного профессионала и, не исключено, просто приятного человека. Даже его голос перестал казаться очень громким, а может, он просто уменьшил звук. Вера с удовольствием смотрела на замысловатые манипуляции и – вот уж совершенно неожиданно! – впала почти в медитативное расслабление.

– А правда, Жор Жорыч, что у вас тут недавно девушку убили? – вдруг услышала она голос сына и вздрогнула. Какого черта лезет?!

– Правда. Только не у нас, а в библиотеке в Кураевске. У нас она только отдыхала, – с сочувствием произнес Ланкур. – А ты-то откуда знаешь? Ты ж тут только второй день.

– Так болтают... – неопределенно сказал Ярослав.

– У нас, в санатории?! – прозвучало это с неподдельным удивлением.

– Да нет, в интернете, – мгновенно встряла Вера, сделав в голове отметку: похоже, в санатории обсуждать убийство запрещено, по крайней мере, персоналу.

– Ну да, в интернете, – сориентировался Ярослав и добавил: – Вот только никаких версий не обсуждают. Вроде как никто ничего не знает, и полиция молчит.

– Наверное, у них тайна следствия. Слышал про такое?

– Слышал, конечно, – подтвердил сын следователя. – В кино. Только ведь все равно интересно...

– Перестань приставать к доктору с дурацкими разговорами, – одернула Вера.

– А я не пристаю. Только ведь в санатории, наверное, людям тоже интересно.

– Мне лично интересно, что мы дальше будем делать с твоей спиной, – строго сказал Ланкур. – А с преступлениями пусть разбираются профессионалы. – И добавил: – Сеансов будет десять. И в дальнейшем вы о своей болячке, гарантирую, даже не вспомните.

...Покинув кабинет врача, Ярослав сказал:

– Я схожусь к сисадмину, познакомлюсь.

Вроде бы ничего особенного, тем паче что есть какая-то тема по поводу сайта, однако Вера насторожилась.

– Зачем? Зачем ты собрался к этому Виталику? И зачем ты к врачу полез с убийством?

– Мама! – Ярослав сбавил шаг и вовсе остановился, зашептал Вере в ухо: – К врачу просто так, для разведки. А сисадмин... Ты чего, не понимаешь? Он же самый крутой! Он по всем компам шарится, во всех кабинетах бывает и все больше всех знает.

– И что с того? – зашипела в ответ, причем гневно, мать.

– Он может пригодиться. И потом, он же меня сам позвал. Я ему обещал по сайту пару идейки накидать.

– Ну ладно, – сдалась Вера. – Но только никаких разведывательных операций!

– Не-не! – заверил Ярослав и зашагал к лестнице, ведущей на третий этаж.

Глава 5

Виталик Скачков вернулся от главного врача в сильном раздражении.

Ну как можно быть такой бестолковой, а?! Вот бабушке Виталика семьдесят восемь, а она гуляет по интернету, как по собственной квартире. У нее даже чат есть – «Бодрые старушки». А этой... сколько там ей? Шестьдесят два или три? Да когда компьютеры все начали осваивать, Савушкина вообще была совсем молодой! И что? На клавиатуре набирает, тыкая одним пальцем. За «мышку» цепляется, словно она сейчас вырвется, убежит да по дороге весь стол загадит. По любой ерунде сразу: «Виталик, беда, спаси!» И он все бросает и бежит – как на пожар, который на самом деле просто огонек от спички: задуй и выбрось. И до чего упряма! Ведь говорил ей, и не раз: не трогайте провода! Причем, чтобы вилку из розетки вытащить, надо под стол залезть – с ее-то телесами! Но нет, неймется! Короткого, видишь ли, замыкания она боится. В голове у нее короткое замыкание!

Ну ладно, была бы в принципе душой. Так нет же! Совсем нет! И врач, говорят, толковый, и свое лечебное хозяйство в руках крепко держит. По струнке у нее там все ходят, причем сами ходят, не от кнута уворачиваются. И ведь не устраивает разносы, не кричит, даже голоса не повышает – сладко воркует, и все дружными рядами идут в нужном направлении. Это в отношении оргтехники у нее какой-то узкопрофильный тупизм. А во всем остальном проблемы свои решает четко, тихо, аккуратно. Недаром московские хозяева ее на должности оставили и, похоже, сильно ценят.

Но по большому счету злился Виталик на Валентину Тимофеевну по гораздо более серьезной причине.

Когда в Кураевске убили Агату Чернецкую, полиция и следователь опрашивали многих сотрудников санатория, которые так или иначе могли с ней пересекаться. Опросили и Савушкину. Главврач девушку знать не знала, поскольку та не заказывала лечебные процедуры, но ей показали фотографию, и Валентина Тимофеевна вспомнила: буквально в день убийства видела Агату, гуляющую вдоль озера с системным администратором Виталием Скачковым.

Ну кто ее за язык тянул?!

А ведь любопытство и болтливость в санатории приравниваются к смертным грехам. Ирина Андреевна Голубович, директриса, присланная из Москвы, совершенно четко объяснила персоналу: все, что касается внутренней жизни санатория, частной жизни самого персонала и тем паче постояльцев (если, конечно, это не выходит за рамки допустимого) – сугубо личное дело, и никто не смеет в это вмешиваться и вообще обсуждать. У Голубович в кабинете даже некий символ этого принципа висит – довольно красивое деревянное панно, на котором изображены три обезьяны: одна закрывает лапами глаза, другая – уши, третья – рот. То есть ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не говорю.

А Савушкина выболтала!

Правда, потом сама пришла к Виталику предупредить: дескать, следователь вопросы задавал, она никак не могла обмануть, но гуляние по улице – это же ничего особенного. Ведь так?

В принципе, действительно ничего особенного. Но расспросы следователя, эдакого лоше-ного красавчика с въедливо-насмешливым взглядом и забавной фамилией Павлинов, который явился уже вечером, не в рабочий кабинет, а в номер, где Виталик жил, сильно испортили настроение.

Как гражданин Скачков познакомился с Агатой Чернецкой?

Виталик мог сказать, что в тот самый день, когда их засекла главврач. Но решил не рисковать, признавшись, что в первые дни пребывания Агаты в санатории. В конце концов, и тогда

они могли попасть кому-то на глаза, а если бы следователь узнал, принялся бы коситься на Виталика.

Каким образом познакомились?

Совершенно случайно. Виталик вышел подышать свежим воздухом, а девушка тоже гуляла. Пересеклись, разговорились о том о сем... Вообще-то у них было общее: Виталик – сисадмин, Агата тоже в компьютерах разбиралась, в сервисном центре работала.

А потом общались?

Только в тот последний день. И тоже случайно, ни о чем заранее не договаривались. Агата сказала, что завтра уезжает.

Была ли она чем-то озабочена, взволнована, может, напугана?

Виталик ничего не заметил.

Знал ли он, что Агата собирается вечером в библиотеку?

Не знал.

А что он сам в тот вечер делал?

Днем он толком не пообедал и где-то в половине седьмого пошел на ужин, персонал кормят в отдельной комнате, там еще три человека ужинали. Потом вернулся к себе в номер и часов до одиннадцати смотрел на компьютере кино, «Семнадцать мгновений весны». Затем лег спать.

Кто-нибудь заходил к нему в тот вечер?

Никто не заходил.

А с кем-нибудь общался по телефону?

В районе семи звонил родителям, потом приятелю и приятельнице, а больше ни с кем не разговаривал. Да это легко проверить, готов телефон показать.

Ну и дальше следователь еще около часа донимал всякими расспросами, которые были вроде ничего особенного, но вымотали Виталика основательно. Ему все время казалось, что этот мужик усердно ищет, к чему бы прикопаться. Виталику очень хотелось спросить: «Вы меня в чем-то подозреваете?», но он удержался – получилось бы как в киношном детективе. Банально. А банальности он не любил.

Зато Павлинов эту самую банальность и продемонстрировал, спросив:

– Вы – свободный симпатичный парень. Чернецкая – свободная симпатичная девушка. Первый раз вы встретились вскоре после приезда Чернецкой. Последний – накануне ее отъезда. Не было желания общаться почаще?

– Если вы намекаете на курортный роман, то она не в моем вкусе, – ответил Виталик.

И это было правдой.

Ему всегда нравились фигуристые блондинки, как Алина, и совсем не нравились лишенные всяких выпуклостей брюнетки, как Агата. Хотя именно из-за Алины – прежде всего из-за нее! – он и оказался в Кураевске.

* * *

Они познакомились на даче, в компании, где собрались человек двадцать – шумные, веселые и вроде ни к кому конкретно не привязанные. То есть каких-то устойчивых пар явно не наблюдалось. А эффектные девушки были. Что называется, выбор наличествовал. Но Виталик увидел Алину и – все!

Она явно старалась походить на Мэрилин Монро, и ей это вполне удавалось. Ну да, прическа смотрелась несколько устаревшей, но устаревшее можно было назвать винтажным. Виталику очень нравился образ Мэрилин Монро, и он тут же поплыл на волнах любви.

Месяца два они просто встречались, а затем Виталик арендовал квартиру, и они зажили вместе. Ох, какое было время! Зефир в шоколаде. Пирожное с кремом. Клубника со сливками.

Сладость бытия! Родители, с которыми Виталик познакомил Алину, умилялись: нежная, прелестная, очаровательная девушка. Через полгода Виталик решил: настала пора жениться. Он бы сделал предложение тут же, нисколько не сомневаясь в согласии Алины, однако подумал, что надо финансово подготовиться к достойной свадьбе и медовому месяцу на теплых островах. Виталик умел обращаться с деньгами и за время работы кое-что поднакопил, но накопления как-то незаметно растворились в эти полгода.

А следом он вдруг стал замечать неприятные вещи. Впрочем, черт побери, чего уж вдруг-то! Ведь и раньше ему на язык попадали горькие ягоды, но все забивала клубника со сливками. Конечно, платиновые волосы Алины были крашеными и периодически прорастали черными корнями (ну так и Мэрилин Монро от рождения имела темные волосы), однако же и непростой нрав кинодивы тоже все активнее прорастал в Алине. О характере кинозвезды Виталик имел весьма общее представление, но характер Алины начинал понимать все отчетливее. Еще через несколько месяцев он окончательно убедился, что ласковое, трепетное, пылкое создание на самом деле бездумная транжира, эгоистичная собственница, взбалмошная, капризная и вовсе истеричная девица.

Виталик не любил необдуманных действий, но если что-то обдуманно решал, то действовал быстро и четко. Иными словами, он составил с Алиной вполне конкретный разговор, после чего вернулся к родителям, благородно оплатив аренду квартиры на два месяца вперед.

Он считал, что поставил в отношениях не просто точку, а восклицательный знак. Ага, размечтался...

Алина начала бесконечно звонить и писать эсэмэски. Когда он заблокировал ее номер (свой менять не собирался, все равно бы вызнала), атака продолжилась с других телефонов, а также с помощью мессенджеров и электронной почты. Параллельно она отлавливала Виталика в разных местах, выясняя отношения лицом к лицу. Никаких «наездов», претензий в соцсетях она себе не позволяла – напротив, вещала о неземной любви, своих страданиях и тому подобном. Иными словами, не давала проходу, выматывая Виталику все нервы.

В то же самое время другой человек начал выматывать нервы, на сей раз на работе. Уволился парень, с которым Виталик сидел в одной комнате, и на его место заселился Гоша. У него была отвратительная черта – он не закрывал рта, комментируя все, о чем думал или что делал. Это могло быть связано как с прямыми служебными обязанностями программиста, так и с совершенно неслужебными интересами, например, по поводу футбола, сериала или меню в соседнем кафе. Промучившись в неумолкающей болтовне неделю, Виталик попросил Гошу перейти на беззвучный режим, однако тот с невинным добродушием признался, что привык все проговаривать вслух, а если это мешает соседу, то готов ему подарить наушники. Попытка отселиться от болтуна была бессмысленна: помещение, которое арендовала фирма, состояло из маленьких комнат, рассчитанных максимум на двух человек, а никто меняться местами с Виталиком, естественно, не желал. Теоретически можно было пожаловаться директору. Но вот именно – теоретически, поскольку практически Гоша приходился директору племянником.

Все дошло до критической точки в тот сентябрьский день – через три месяца после расставания с Алиной и появления Гоши. У Виталика не складывалось решение одной задачи, хотя ему казалось, что вот-вот, и сложится, но под аккомпанемент Гошиного бубнежа никак не мог сосредоточиться. Поскольку задание было срочным, Виталик в состоянии крайнего раздражения все-таки отправился к директору. У директора, похоже, день также не задался, он тоже пребывал в раздражении, в результате чего наорал на Виталика, дескать, профессионал умеет работать в любой обстановке, а если не умеет, то он никчемный дилетант. Подобное заявление было оскорбительным и по форме, и по существу: Скачков считался хорошим программистом.

Домой Виталик вернулся в скверном настроении и с головной болью, обнаружив на кухне две чайные чашки, вазочку с вареньем и плоску с печеньем. К матери явно кто-то приходил

в гости, но это не заслужило бы внимания, если бы мама не заявила, что ей надо составить с сыном серьезный разговор. Попытка отнекаться привела к довольно жесткой реакции: мама (а она в определенные моменты умела становиться твердой и непоколебимой, тут Виталик был весь в нее) устроила сыну настоящий разнос. Оказывается, чаевничала она с Алиной, которая явилась вся в страданиях, слезах и мольбах о воссоединении с бывшим возлюбленным. «Она тебя так любит, она так мучается, она не понимает, почему ты ее бросил!..» – взывала мать, и Виталик, совсем не склонный к крикам и скандалам, взорвался.

– Никакой у нее великой любви ко мне нет! А есть патологическая привычка иметь то, чего она хочет! Прежде только она бросала парней, а теперь впервые кто-то посмел бросить ее! И она это не собирается терпеть! И если я завтра к ней вернусь, то послезавтра она бросит меня! Хотя я ее не бросал, я просто ушел!

Таким был эпилог его объяснения с матерью, которой Алина сумела-таки запудрить мозги.

Виталик даже не стал ужинать, закрывшись в своей комнате в состоянии ярости. Для него было совершенно ясно: ни болтливый Гоша, ни упрямая Алина не оставят его в покое. Однако, малость поостыв, он подумал, что определенный вариант есть – сменить работу и съехать на съемную квартиру. Проблему с Гошей это решало однозначно, с Алиной же пусть не стопроцентно, но тоже с неплохими шансами, хотя бы на определенное время, а там, глядишь, отстанет.

Начать решил с работы, причем ничего не откладывая, – соответствующие сайты в помощь.

И буквально через десять минут натолкнулся на объявление: «Санаторию „Светлое озеро“, находящемуся в Кураевске, требуется системный администратор. Зарплата договорная, полный соцпакет, бесплатное питание и проживание непосредственно в санатории».

Далее следовал адрес электронной почты, куда посылать резюме, и контактный телефон.

Вообще-то Виталик не планировал уезжать из города. Но здесь предлагалось, как говорится, два в одном. Он зашел на сайт санатория: примитивный, однако содержащий достаточно полную информацию с набором фотографий. Информация показалась весьма солидной, а увиденное на фотографиях – весьма привлекательным. В тот же вечер Виталик отослал резюме.

Позвонили ему через день, причем в удачное время – в обеденный перерыв. Виталик возвращался из кафе, присел на лавочку и смог спокойно побеседовать. Звонила женщина, представилась директором санатория Ириной Андреевной Голубович, сообщила, что ее заинтересовало резюме. Задала ряд вопросов, и в том числе – почему вдруг господин Скачков решил уехать из города?

– Захотелось отдохнуть от городской суеты. И от некоторых людей, с которыми устал общаться, – ответил он.

– Тогда я предлагаю вам в удобное время подъехать к нам, это семьдесят километров от города. Все-таки системный администратор – это не горничная, хотелось бы составить личную беседу, а вы заодно посмотрите наш санаторий.

– В удобное время? – уточнил Виталик. – А если это будет выходной день? Я все-таки пока на работе.

– Не проблема. Я сама постоянно живу в санатории.

В Кураевск Виталик отправился в ближайшую субботу.

В общем и целом ему понравилось все – санаторий, природа, воздух... Еще год назад он воспринял бы это как короткое пасторальное переключение с привычной городской напряженки, но сейчас ощутил, что именно это ему и надо. Причем не на день, не на неделю, а... Впрочем, стоило ли загадывать – никто не собирался приковывать его здесь наручниками.

Понравилась ему и директриса Ирина Андреевна Голубович – спокойная, рассудительная, без начальственных замашек, однако же совершенно очевидно с твердым характером и

деловой хваткой. Она задавала конкретные вопросы, давала четкие комментарии, и Виталик понял: эта не будет метаться туда-сюда, требовать то, не знамо что, лезть под кожу и вообще трепать нервы в зависимости от собственного настроения.

Зарплату Голубович предложила не бог весть какую, но с учетом служебных обязанностей, а также бесплатного проживания и питания, очень даже приемлемую.

– А если мне предложат дополнительно поработать на удаленке по какому-нибудь договору, вы не станете возражать? – спросил Виталик, который, при надобности, мог бы этим заняться втихаря, но не хотел прятаться. Да и рисковать не хотел – директриса явно была очень неправа.

– Не стану возражать, – отреагировала Ирина Андреевна. – Но при условии, разумеется, что это никак не скажется на ваших основных обязанностях и не будет связано с нашими конкурентами.

– Разумеется, – заверил почти зачисленный в штат сисадмин.

В понедельник Виталик принес заявление об увольнении.

– Как?! – взревел директор. – Ты же с нами четыре года и все было хорошо!

Виталику очень хотелось сказать, что раньше было хорошо, но потом появился директорский племянник Гоша, от несмолкаемого бубнежа которого невозможно нормально работать и голова болит. А заодно хотелось напомнить, как несколько дней назад именно из-за Гоши директор обозвал Виталика дилетантом. Но ничего этого говорить Виталик не стал – незачем тыкать носом напоследок.

– Признайся честно: кто тебя переманил? – обиженно спросил директор.

– Никто. Никаких конкурентов. Вот честное-пречестное! – заверил Виталик и, упершись в недоверчивый взгляд начальника, действительно признался в том, в чем признаваться вообще-то не собирался: – Я еду в Кураевск. Это семьдесят километров от города. Сисадмином в местный санаторий.

– В деревню?! – Недоверчивый взгляд мгновенно превратился в изумленный. – Зачем?!

– У меня личные обстоятельства... – вздохнул Виталик, и директор, будучи дважды разведенным, а потому понимающим личные проблемы, тоже вздохнул:

– Сисадмином... В деревню... С твоей-то квалификацией... Тебя будет очень не хватать...

Прозвучало это искренне, и Виталик решил:

– Не думаю, что у меня в санатории будет завал с работой. Поэтому я мог бы у вас продолжить... на удаленке... по конкретным проектам и по договору...

Все знали: директор терпеть не может никакой удаленки, ему нужно, чтобы все торчали в офисе и всегда были под рукой в буквальном смысле слова. Поэтому предложить-то Виталик предложил, но почти не сомневался в отказе. Директор насупился, поводит бровями туда-сюда и вдруг воскликнул почти весело:

– Годится!

Если реакция директора Виталика приятно удивила, то поведение Алины он угадал довольно точно и с еще большей приятностью. Да, она еще какое-то время забрасывала Виталика сообщениями, но отловить «живьем» уже не пыталась. У нее не было машины (считала, возить обязан мужчина), а отправиться за семьдесят километров на автобусе... При всей эгоистичной упертости это уже было совершенным перебором. В общем, Алина окончательно исчезла месяца через полтора.

В принципе, Виталик не загадывал, сколько пробудет в Кураевске. И сидел здесь уже шестнадцать месяцев. Ну а что? Многие живут в загородных домах, и отнюдь не за поворотом от города, при этом постоянно мотаются в город на работу. А у него все в одном месте.

В город, тем не менее, он ездил регулярно, в свои выходные, – там в основном протекала его светская жизнь. Кое-что из этой светской жизни имелось и в Кураевске, например вполне приличный ночной клуб «Пилигрим».

Периодически он заводил короткие легкие романчики (полноценными романами их назвать было никак нельзя), в том числе пару раз в самой санатории. Местное начальство относилось к такому спокойно, при условии, конечно, соблюдения внешней благопристойности.

В общем, Виталик чувствовал себя вполне довольным.

* * *

– А вы знали, что Чернецкая жила как раз над вами, в таком же номере на третьем этаже? – Следователь ткнул пальцем вверх.

– Не знал. Я же вам говорил, что пересекался с ней всего пару раз, на улице, случайно. Но сейчас, конечно, знаю. – Виталик почти машинально глянул на потолок. – Сейчас у нас все знают.

– Это ведь самые дешевые номера? – Павлинов придирчиво оглядел жилище Славика.

– Понятия не имею. Я здесь живу бесплатно.

На самом деле он очень даже имел понятие.

Все номера выходили окнами либо на озеро и, так сказать, парадную территорию санатория, либо в противоположную сторону, в лес. И только четыре номера располагались в торце здания с видом на внутренний двор лечебного корпуса. Здесь была балконная дверь, застекленная от потолка до пола, и узенький, сантиметров сорок шириной, балкончик. Впрочем, для чего тут нормальный балкон – сидеть в шезлонге и любоваться на заезжающие в хоздвор машины, доставляющие в грязелечебницу фляги с грязью, продукты для ресторана и прочие грузы? Эти номера были вполне удобными, но вот картина за окном, конечно же, все портила, поэтому и цена была самая низкая. Впрочем, продавали только номера на третьем и четвертом этажах: на первом находилась служебная комната горничных, на втором – системного администратора. То, что системному администратору выделили самый дешевый номер, Виталика не смущало. В конце концов, все необходимое имелось, все было удобно, уютно и, главное, бесплатно.

Напоследок Павлинов сказал:

– Если что-то вспомните, позвоните мне. – И положил на стол визитку. – А если вы мне понадобится, я на вас выйду.

– Хорошо, – согласился Виталик, хотя ничего хорошего в этом не видел.

...За минувшую неделю следователь ни разу не объявился. Но раздражение на Савушкину до конца не выветрилось. Лучше бы она в компьютерах научилась хоть малость разбираться, а не глазела в окно, кто с кем прогуливается. Не навела тень на плетень.

И в этот момент в дверь кабинета аккуратно постучали.

– Открыто! – крикнул Виталик.

На пороге стоял тот самый пацан, с которым мимолетно познакомился у главврача.

Глава 6

Ярослав вернулся перед самым обедом.

– Ну, мам, этот Виталик – классный парень. Я ему два момента показал на сайте, он с одним не согласился, а с другим согласился и сказал, что я – молоток! – радостно сообщил сын.

– А почему ты его называешь Виталиком? Он взрослый мужчина, лет под тридцать, – заметила Вера.

– Двадцать восемь, – последовало уточнение.

– Ну я и говорю: под тридцать. Ладно его при посторонних, то есть при нас, так называла Валентина Тимофеевна, она его намного старше. А ты-то что?

– А что я? – удивился Ярослав. – Его здесь многие так называют. Кроме директрисы. Он мне сам сказал.

– Как-то по-детски, – пожала плечами Вера.

– Ну я вообще-то у него отчество спросил. А он засмеялся, дескать, отчество – это фигня. А как его называют – вся разница в последней букве. Но буква «й» на конце ничуть не солиднее буквы «к».

– Ладно, все это действительно фигня, – отмахнулась Вера и тут же посуровела: – Надеюсь, ты к нему с расспросами про убийство не лез?

– Я же обещал... – укоризненно произнес сын, после чего с ухмылкой добавил: – Но кое-что выяснил. По компьютерной части.

– Ну?

– Например, наши электронные ключи от номера. – Ярослав вынул из кармана пластиковый прямоугольник. – Если его потерять, администратор сразу же его заблокирует, сверит со сканом паспортной фотографии и активирует новый.

– Нас при заселении об этом предупредили, – напомнила мать.

– Ну да. И такие ключи имеют горничные. Но только от тех номеров, в которых они убирают.

– Логично.

– Есть деталь. Мы можем сколько угодно заходить и выходить из своего номера, этого никто не будет знать. Но сколько раз зайдет и выйдет горничная, знать будут, причем с точным временем, потому что сведения поступают в информационную базу.

– Допустим.

Вера сочла, что это тоже логично – прежде всего для мониторинга рабочего времени горничных.

– Так вот, у каждой службы – своя база. И войти туда могут только те, кому полагается. Ну то есть бухгалтерия, к примеру, не может войти в базу службы размещения. А служба размещения – в базу медицинских назначений. И только один человек может войти в любые базы – это директриса санатория.

– А сисадмин?

– Виталик следит, чтобы надежно действовали все сети. Но у него нет самостоятельного доступа ни в одну базу. Он, конечно, может туда войти, но если его запустит туда кто-то из тех, кто право имеет.

– Прямо военный объект! – удивилась Вера.

– Виталик сказал, что директриса просто помешана на том, чтобы никакая лишняя информация никуда не просочилась. И чтобы в этом плане постояльцы были совершенно спокойны. Поэтому у них в корпусах видеокамер нет, только на входах в спальный и лечебный корпуса, на служебных входах и на автостоянке.

– И Виталик все это тебе рассказал?

– Ну-у... во-первых, я хитро выведал, а во-вторых, я же ребенок, мне простительно детское любопытство, – самодовольно ухмыльнулся Ярослав.

Насколько добытая информация могла оказаться полезной, Вера пока не имела представления, но она давно придерживалась принципа: нет ненужной информации, а есть невостребованная.

– Значит так, я после обеда схожу в кураевскую библиотеку, а тебе задание. Погуляй здесь поблизости, подыши свежим воздухом, тебе это очень полезно. А потом поройся в интернете, посмотри, есть ли что-нибудь интересное про библиотеку, ее сотрудников и лично Галину Павловну Добрецову. То же самое про санаторий, его сотрудников, лично директора Ирину Андреевну Голубович и Жореса Жоржевича Ланкура. Причем меня интересует не столько официальная информация, сколько...

– Мнения, слухи, сплетни, – перебил Ярослав.

– Вот именно, – подтвердила Вера, подумав, что, вероятно, не очень хорошо просить мальчишку копаться в сплетнях, но ничего не поделаешь: он, по крайней мере в интернете, умеет это делать гораздо лучше ее самой. А сплетни хоть и ненадежны, но порой весьма полезны.

* * *

Пешеходная дорога (по сведениям, полтора километра до центральной улицы Кураевска, то есть почти до библиотеки) была действительно хороша. Проложенная извилистой змейкой сквозь густой, по преимуществу еловый, лес, тщательно вычищенная от снега аллея с фонарями «под старину» и деревянными скамейками на витых металлических ножках наверняка в изначальном виде существовала и раньше, но явно была облагорожена уже новыми владельцами санатория. Идти по ней было сплошным удовольствием – воздух свежий, морозец всего минус восемь, красота и умиротворение вокруг.

Вот так бы просто отправиться на прогулку, а не на разведку. Но Вере предстояло стать именно разведчиком, причем нелегалом, который под видом любителя книг должен был попасть на «объект» и провести рекогносцировку. Библиотеку, которую после убийства Агаты Чернецкой закрыли на неделю, разрешили открыть именно сегодня.

Библиотека размещалась в двухэтажном каменном особняке, построенном, вероятно, лет сто назад, но недавно отремонтированном. Это было видно по свежеевыкрашенному нежно-бирюзовому фасаду, по массивной железной двери, не утратившей еще блеск темно-серого покрытия. Два замка (судя по прикрывающим замочные скважины большим блямхам) тоже смотрелись массивными. Вера ничего не понимала в замках, но, если верить Галине Павловне, они были очень надежными.

Вера потянула на себя дверь и оказалась в тамбуре с половым покрытием из жесткой резины. Ну правильно – чтобы посетители на подступах тщательно вытирали ноги, не несли в помещение грязь и снег.

Внутренняя дверь смотрелась не столь внушительно, как внешняя, однако тоже была металлической и с двумя замками. Открывалась она внутрь. Вера толкнула дверь – никакого предупреждающего звона не последовало. Бросила быстрый взгляд вверх – колокольчик висел на крючке над косяком. Зато в небольшом продолговатом вестибюле за столом у правой стены сидел охранник – мужик средних лет. Напротив него находился гардероб. Из вестибюля просматривались широкая арка и часть зала.

В принципе из зала можно было заметить входящего в библиотеку человека, но только под определенным углом и если специально следить за входом. Однако на поэтическом вечере никто не следил, рассчитывали на предупреждающий звон колокольчика, а когда он действительно звякнул, решили, что просто ушла Чернецкая. Вот так совпало.

– Здравьете, – сказал охранник. – Если вы к нам, то разденьтесь. И номерок возьмите.

– Здравствуйте. Конечно, – отозвалась Вера и прошла в гардероб, где в углу висела старенькая мужская дубленка, а на некотором отдалении – две короткие женские шубки.

В первый день работы библиотеки после недельного простоя столпотворения явно не наблюдалось.

Вера поднялась на три ступеньки, которые вели к площадке, откуда вправо и влево тянулся узкий коридор – здесь находились служебные помещения, в том числе кабинет директора. А напротив располагался арочный вход в зал, где в тот злополучный вечер собирались любители поэзии. В паре метров от арки на второй этаж поднималась лестница. Вера прикинула: из зала ее точно не видно, а вот из вестибюля – запросто.

Зал выглядел именно таким, каким его описала Галина Павловна. Открытое квадратное помещение с шестью диванчиками и небольшими, типа журнальных, столиками. Все это можно было легко расставить нужным образом. Слева высились книжные стеллажи с проходом во второй зал, а справа, вдоль стены, размещалась деревянная загородка для библиотекаря, откуда хорошо просматривалось все пространство, в том числе был виден любой, кто заходил во второй зал.

На диванчике сидели две женщины и внимательно рассматривали толстый журнал. На Веру они не обратили никакого внимания. Зато, естественно, внимание обратила библиотекарь – немолодая грузная женщина в тяжелых очках.

– Добрый день, интересуетесь чем-то конкретным? – спросила она.

– Добрый день, – отозвалась Вера. – Пока вот... просто интересуюсь...

– Это пожалуйста, – разрешила библиотекарь. – На стеллажах таблички с обозначением тематики и жанров книг, фамилиями авторов. Очень удобно. И еще у нас есть второй этаж. Туда тоже можете заглянуть.

Вера благодарственно покивала, побродила вдоль стеллажей, зашла в следующий зал, который, судя по пяти столам и стульям, одновременно выполнял функцию читального зала, и отправилась на второй этаж, попутно отметив бесшумность устланных каким-то прорезиненным материалом каменных ступеней.

Планировка и интерьер второго этажа полностью повторяли то, что было на первом, включая стойку библиотекаря. Правда, свободное пространство было заметно меньше и стояли там только три диванчика. На одном из них сидели молоденькая девушка и благообразный старичок в аккуратном костюмчике, светлой рубашке и даже с галстуком. Они о чем-то шушукались, склонившись друг к другу головами.

– Добрый день, – поздоровалась Вера.

Девушка встрепенулась и шустро соскочила с диванчика, старичок приподнялся, отвесил легкий полупоклон, и оба, почти в голос, откликнулись:

– Добрый день!

– Вам чем-то помочь? – проявила готовность девушка, и Вера догадалась: это та самая Леночка Шумкина, самая молодая в библиотеке, главная устроительница поэтического вечера.

– Спасибо, я пока присмотрюсь, я уже знаю, у вас указатели, мне на первом этаже сказали, – ответила Вера и двинулась вдоль стеллажей, целенаправленно продвигаясь в следующий зал, где закончилась жизнь Агаты Чернецкой. Переступила порог и услышала за спиной:

– Я вам свет включу. Сегодня у нас пусто, так мы уж электричество экономим. – Леночка щелкнула выключателем, расположенным рядом с аркой, и удалилась.

«Надо же, какая рачительность!», – усмехнулась Вера, глядя на естественный свет, который струился сквозь высокие окна, – его вполне хватало для общего обзора.

Она прошла в самый конец, к двум последним стеллажам, между которыми нашли тело Чернецкой, и оценила включенные лампы. Здесь естественного освещения не было – стеллажи упирались торцами в стену.

Глухое место. Если пользоваться фонариком, с улицы (а Вера специально глянула, напротив стоял трехэтажный жилой дом) никто ничего не заметит.

Она внимательно обошла оба стеллажа. Действительно, книги узкоспециальные, а некоторые, очевидно, давно никому не нужные. К примеру, справочник животновода, изданный в 1989 году. Правда, на одной из полок стояли книги античных авторов. Но и их, судя по словам директора библиотеки, никто особо не жаловал.

Глухое место. Что же здесь понадобилось Агате Чернецкой?

Но у самой Веры точно была надобность – завязать разговор с Леночкой Шумкиной. Она вернулась в основной зал. Старичок и Леночка по-прежнему о чем-то беседовали на диванчике. При появлении Веры библиотекарьша тут же приняла вертикальное положение, а старичок чуть-чуть поерзал, но остался сидеть.

– Какая у вас славная библиотека. Я всю обошла, мне очень понравилось!

Начало было беспронимательным, и Шумкина отреагировала соответственно – немедленно разулыбалась. Старичок тоже уставился на Веру с доброжелательным интересом.

– Сразу видно, у вас здесь очень хороший коллектив.

– Да-да! – охотно подтвердила Шумкина.

– И очень профессиональный! – веско добавил старичок.

– А я всегда, приезжая в новые места, захожу в библиотеки. Они о многом говорят. – О чем именно говорят, Вера понятия не имела, продолжив: – Настоящая библиотека – это ведь не просто хранилище книг, это некое культурное сообщество. – (Кажется, нечто подобное Вера слышала от Добрецовоной). – А такое сообщество объединяет много очень интересных людей!

– Конечно, конечно! – горячо заверила Леночка. – У нас даже есть клуб друзей библиотеки!

– Ну надо же! – прозвучало это со смесью удивления и восхищения.

Старичок вдруг легко вскочил с места, вновь отвесил полупоклон и произнес церемонно:

– Позвольте представиться: Алексей Семенович Перепелкин, председатель клуба друзей библиотеки, бывший учитель русского языка и литературы.

– А я Лена Шумкина, библиотекарь.

– Очень приятно. Я Вера Грознова, – обошлась без уточнения профессии следователь.

– И нам очень приятно! – последовал дружный ответ.

– Могу присесть? – спросила Вера, и ее опять-таки дружно заверили, что всегда пожалуйста, после чего Перепелкин поинтересовался:

– Насколько мы понимаем, вы приезжая?

– Да, из города, всего второй день в Кураевске, сына в санаторий привезла.

При слове «санаторий» Шумкина и Перепелкин тревожно переглянулись.

– Очень приличное место. Вот только... – Вера изобразила смущение, – там шепчутся... Ну, в общем-то вы знаете... – Она издала горестный вздох. – Конечно, большая неприятность... даже трагедия... Хотя я уверена, ни санаторий, ни библиотека совершенно ни при чем. – Перепелкин и Шумкина молчали, и Вера продолжила: – Я слышала, что перед Новым годом в библиотеке убили девушку из санатория.

– Увы, увы... – скорбно покивал Алексей Семенович и приобнял за плечи вмиг поникшую Леночку. – Действительно большая трагедия. Совершенно необъяснимая...

– И кощунство! – воскликнула Вера. – В библиотеке! В культурном центре! Только вы поймите меня правильно... – поспешно заговорила она, – убийство в принципе – это нечто ужасное. Но когда это происходит на улице... или в какой-то дурной компании... это все-таки не очень удивляет. Но в библиотеке?!..

– Да у нас даже книги не воруют! – воскликнула Леночка.

– Это замечательно, – согласилась Вера. – Хотя все начинается с мелочей. Моя приятельница недавно ходила в оперный театр. Так у нее прямо в театре из сумки вытащили телефон!

Представляете, прямо в театре! Она только вышла и тут же обнаружила. Хотела вернуться, но ведь какой смысл? А она должна была сесть в автобус и мужу позвонить, чтобы он ее на остановке недалеко от дома встретил. Потому что у них рядом с домом небольшое, но глухое место. Если приятельница довольно поздно возвращается, ее муж обычно встречает. А тут телефона нет, позвонить не может. В общем, она одна пошла. И в этом самом месте на нее попытался напасть какой-то мужик – то ли пьяный, то ли обдолбанный. Хорошо, приятельница моя женщина крепкая, она мужика сумкой треснула по голове и еще сильно толкнула. Он в сугроб повалился, а приятельница убежала. – Вся эта история была чистой выдумкой, но Вера знала: хочешь вывести людей на определенную тему, подкинь им соответствующую затравку. – А дома муж весь на нервах, – продолжила она, – дескать, спектакль давно закончился, звонка от жены нет, он сам стал звонить, а телефон отключен... в общем, он уже собрался ее искать. Приятельница мужу, конечно, сказала, что телефон у нее в театре украли, а о мужике, который на нее напасть пытался, умолчала. Какой смысл?

– Никакого смысла. Тот мужик, наверное, тоже сразу убежал, – уныло проговорила Леночка. – А украденные телефоны вообще толком не ищут. Это у полиции мелочью считается.

– И тем не менее, такие вещи оставлять без внимания нельзя, – убежденно произнес Перепелкин. – Безднаказанность развращает.

– Но суть-то в другом, – заметила Вера. – Телефон, тем более он был довольно дешевый, – это действительно мелочь. Но из-за него приятельница могла пострадать очень серьезно. И муж очень нервничал, а у него давление.

– Вот-вот! – встрепенулся Перепелкин. – И у нас с Анной Васильевной давление. А ты, Леночка, хоть и разумная девушка, но тоже...

– Я же вам говорила, что не сообразила сразу, потом обнаружила выключенный звук на телефоне... – принялась (явно не в первый раз) оправдываться Шумкина.

– А что-то случилось? – проявила искреннюю заинтересованность Вера.

– Да ничего особенного... – Леночка сквасила губки.

– Как же ничего особенного?! – воспротивился Алексей Семенович. – Вот давай спросим Веру. Она человек посторонний, но тоже молодой, уж всяко ближе к тебе, чем ко мне.

– Ну спросите, – кисло разрешила девушка.

– В тот злополучный вечер, который на самом деле сначала был замечательным вечером поэзии, его Леночка вела, мы уходили вместе – моя жена Анна Васильевна, я и Леночка. Мы живем по соседству, через два участка, в своих домах. Мы живем недалеко от библиотеки, поэтому нам проще пешком, хотя погода была сильно метельная. Мы с Анной Васильевной хотели проводить Леночку прямо до порога, но она сказала, что это лишнее, опять же на улице фонари горят, опасаться нечего. В общем, мы пришли домой, разделись, стали ждать звонка от Леночки, что она благополучно добралась.

– Но ведь мы об этом заранее не договаривались! – встряла Шумкина.

– Что значит заранее не договаривались?! – пылко воскликнул Перепелкин. – Это ведь очевидно!

– Ну... я не сообразила...

– Вот, вот! Тогда мы сами стали звонить, но никакого ответа. Представляете, как мы с Анной Васильевной переволновались?

– Представляю, – согласилась Вера. – А кому-нибудь еще можно было позвонить?

– Родители к тете на Байкал уехали, я одна была.

– Вот, вот! – повторил Перепелкин.

– Ну что вы, Алексей Семенович, – примирительно заговорила Шумкина. – Я действительно не сообразила вам сразу сообщить, что уже дома. Потом то да се... вспомнила, что телефон в куртке оставила. А у него был звук выключен, я же звук выключила, когда вечер начался. Но я увидела ваши звонки и сразу перезвонила.

– Но у Анны Васильевны уже поднялось давление. А уж утром, когда ту девушку обнаружили...

– Вы обнаружили?! – уставилась Вера с ужасом на Леночку.

– Нет, не я! – отреагировала та, и тоже с ужасом.

Пожалуй, общение следовало закруглять. Вера подумала, что ничего нового она уже не услышит, а подозрения может вызвать. Совершенно не нужно. Поэтому она поднялась с диванчика (Перепелкин по-джентльменски тоже поднялся, а вслед за ним и Шумкина) и со словами: «Я обязательно вернусь к вам, вот только дочитаю книжку, которую с собой привезла», распрощалась.

Перед внутренней дверью Вера бросила взгляд на колокольчик над косяком и яркий шнур, замотанный вокруг крючка. Не заметить их можно было, только если смотреть себе исключительно под ноги, а не сообразить, для чего это, – только если вообще ни о чем не знать. Пожалуй, Ярослав прав: человек, который появился в тот вечер в библиотеке, задев колокольчик, никогда здесь прежде не бывал.

Она вышла на крыльцо, вдохнула свежий воздух, посмотрела на снежные подушки, разложенные на деревьях... Красота! Двинулась по хрусткому снегу в сторону аллеи, ведущей к санаторию... И вдруг услышала за спиной:

– Здравствуйте, Вера Ивановна.

Глава 7

Вадим Павлинов был красивым. И умным. Поэтому к своей красоте относился по-умному. Именно так он о себе думал.

Девять лет он пребывал в статусе женатого мужчины. Да, периодически позволял себе легкие непродолжительные романчики, которые умел исключительно надежно прятать. В этой таинственности крылась своя особая прелесть. Но пять лет назад Вадим развелся. Вернее, жена с ним развелась – завела не романчик, а настоящий роман, о чем и поведала мужу. Вадим невероятно удивился – отродясь женщины от него не уходили. И к кому?! К обычному в общепит мужику, доценту вуза. Однако же Вадим и тут повел себя по-умному. Запратал самолюбие в дальний карман, в результате развод прошел спокойно, с уже бывшей женой сохранились хорошие отношения и с дочкой имелась возможность общаться в любое время.

Последние пять лет он пребывал уже в статусе свободного мужчины, находя в этом массу преимуществ. Он регулярно заводил романчики, однако же делал это по-прежнему аккуратно, не переступая черту, за которой могли возникнуть какие-нибудь проблемы. Любые личные проблемы ему были совершенно без надобности. И главным образом потому, что его всегда в первую очередь интересовала работа. И карьера.

Вадим Павлинов считался очень хорошим следователем. Одним из лучших в Нижегородском областном Управлении СК. Неслучайно год назад именно его включили в следственную группу, которая работала сразу в нескольких городах и которую возглавлял полковник Глазков из Москвы, из СК РФ. Павлинов проявил себя наилучшим образом, в результате чего по итогам расследования был отмечен особо, в том числе получив звание подполковника. А на исходе октября ему позвонил уже ставший генералом Глазков и сообщил, что его поставили руководить вновь создаваемой структурой, он подбирает коллектив и хочет видеть в своей команде Павлинова. Для Вадима это был не шаг вверх – настоящий прыжок. Разумеется, он согласился.

Перебраться в Москву предстояло в конце ноября, и Вадим, понимая, что времена его ждут очень напряженные, решил поехать в отпуск. Прикинул – куда, признал, что в России в ноябре везде поганая погода, и выбрал Кисловодск с его минеральной водой. А еще он недавно где-то прочитал, что в этот период там самая вкусная хурма. Хурму Павлинов очень любил.

Он мог поселиться в санатории. Или в хорошей гостинице. Но он выбрал однокомнатную квартиру около парка, которую сдавали в аренду по весьма приемлемой цене. В преддверии столичной круговерти хотелось покоя и независимости.

Первые полтора дня он гулял (погода оказалась на редкость комфортной), забредал в кафе и чувствовал себя умиротворенным. А потом в парке он познакомился с Юлей – сногшибательной москвичкой лет двадцати пяти. Правда, она была не одна, а с подружкой – девицей чуть постарше и куда менее привлекательной. Первый вечер они провели втроем, а потом... В общем, вся следующая неделя была полна страстей, веселья и всего прочего, что сопровождает – нет, не полноценный роман с какими-то глубинными эмоциями, – а бурный и легкий романчик. Подружку Вадим больше не видел.

Через семь дней Юля не пришла, а позвонила и, хлюпая носом, сообщила, что срочно улетает домой по семейным обстоятельствам. Подробности объяснять не стала. О встрече в Москве они не договорились, но у Вадима сохранился ее номер телефона. Впрочем, он не знал, воспользуется ли им – в конце концов, то, что хорошо в праздник, может восприниматься совершенно иначе в будни.

А еще через три дня позвонил Глазков и приказал срочно прибыть в Москву. Вадим решил, что приказ есть приказ, да и наотдыхался он уже.

В Следственном комитете Вадима сразу препроводили в кабинет генерала. Тот вышел из-за стола, проверил, насколько плотно прикрыты двойные двери, и, не здороваясь, зарычал:

– Ты совсем идиот?!

От такого обращения Павлинов обалдел – генерал всегда обращался к нему на вы, по имени-отчеству и вообще вежливо.

– Почему идиот? – задал Вадим и впрямь идиотский вопрос.

– Ты с кем спутался в Кисловодске?!

– С кем? – растерялся Павлинов.

– Ты какого лешего спутался с женой заместителя генерального прокурора?!

– Юля?!

– Дуля! – отрезал Глазков. – Да, она мужу в дочки годится, но это не твое и не мое дело. А только про ваши развлечения информация дошла! – (Вадим сразу сообразил: обиженная подружка, или кто там она, донесла). – Муж тебя пробил, и ты ему сильно не понравился. Красавчик чертов!

– Но я же не знал! – в сердцах воскликнул Вадим, ощутив сильнейшее желание самого себя застрелить. Ведь он всегда придерживался правила: прежде чем вступить в отношения, собирал на пассию информацию, дабы не вляпаться в неприятности. Но это он делал в родном городе, а на курорте расслабился, потерял бдительность. Да и не ожидал он в ноябре в Кисловодске пересечься с женой заместителя генерального прокурора. Чего она в это время года там забыла? Хотя дорогие шмотки Юли он отметил.

– Незнание не освобождает от ответственности! – со злостью произнес Глазков. Нахмурился, засопел и продолжил: – Значит, твой перевод ко мне отменяется. И в Нижнем Новгороде ты не останешься, слишком близко от Москвы. А приказано – моим начальством приказано! – отправить тебя куда подальше. И не в региональное управление – еще дальше. Вот так-то! Но... – генерал выдержал паузу, – отсидишься там года полтора-два, все забудется, и тогда возобновим разговор. Я в тебе заинтересован. Но только ты там не вляпайся еще в какую-нибудь историю и не гоняй балду. Профессионализм покажи. Чтобы потом мне не сказали, будто цена тебе три копейки. И еще... – Глазков вновь выдержал паузу. – Про тебя на месте, конечно, максимально выведывают, в том числе про твои сборы в Москву, но ты об истинной причине перевода никому ни слова. Истинную причину знают только четыре человека, включая тебя и самого зама генпрокурора. Он мужик самолюбивый до чертиков, особенно в отношении юной красотки-жены, он за свои выставленные напоказ рога тебя за Полярный круг забросит.

Так Вадим Павлинов оказался заместителем руководителя межрайонного следственного отдела в Кураевске. В тысячах километров от Москвы. В семидесяти километрах от областного центра. Но все же не за Полярным кругом.

В Кураевске ему предоставили двухкомнатную служебную квартиру в четырехэтажном доме. В самом отделе приняли без враждебности, но с настороженностью, что, в общем-то, имело свое объяснение: истинную причину ссылки никто не знал, но слухи о самой ссылке, конечно же, долетели.

Вадим изучил сводку за год и обнаружил: никаких особо громких дел на вверенной территории не было. За исключением одного – когда в начале октября в кураевском спорткомплексе убили фитнес-тренера, бывшего зятя очень известного в следственных кругах человека. По этой причине дело сразу забрали в региональное управление, на место отправили старшего следователя Веру Ивановну Грознову, которая размотала все буквально за неделю, тесно взаимодействуя не с местным отделом, а с отделом полиции и лично начальником РОВД полковником Добрецовым. Павлинову показали фотографию Грозновой – дамы молодой и вполне симпатичной. И рассказали о ней, основываясь на гуляющей по управлению информации, немало интересного. Квинтэссенция рассказов сводилась к трем вещам: очень грамотный следователь, с хорошим характером и весьма своеобразная. Вадим взял на заметку. Так, на всякий случай.

А перед Новым годом случилось это поистине странное убийство в библиотеке. Павлинов сам возглавил оперативно-следственную группу. И вот теперь, спустя неделю после происшествия, вынужден был признать: несмотря на практически выпавшие 31 декабря и 1 января, работу проделали большую, но не добились никакой, даже относительной, ясности. Фактов собрали много, однако они ни к чему не вели. При этом имелась существенная сложность – единственной подозреваемой оставалась директор библиотеки Галина Павловна Добрецова, сестра начальника РОВД.

Вчера вечером он решил лично проверить все передвижения Добрецово́й от библиотеки до собственного дома. По словам Галины Павловны, она ушла с работы в десятом часу вечера (но не раньше девяти, чему имелись свидетельские показания). По уверениям соседки из дома напротив, та ровно в половине десятого (в это время она всегда принимает лекарство, которое находится в шкафчике на кухне) видела свет в гостиной Добрецово́й. Но когда свет зажегся, она не знала. Включить свет могла только сама Галина Павловна, поскольку ее муж работал в ночную смену.

Вадим решил пройти от библиотеки до дома Добрецово́й, чтобы (с учетом определенных погрешностей, и прежде всего метели) понять, успела бы директор библиотеки убить девушку, ее обыскать, все за собой закрыть и уже в половине десятого оказаться в собственной гостиной.

Дойдя до дома библиотекарши, он вынужден был признать, что по времени все это плохо совпадает. Ну не реактивная же эта пятидесятилетняя тетка? Вадим остановился на противоположной стороне улицы – сквозь плотно задернутые шторы свет в гостиной был хорошо заметен. И тут он увидел подъехавшую машину, из которой вышел Добрецов, а вслед за ним – мальчишка и женщина. В свете фонаря Вадим разглядел ее очень отчетливо – среднего роста, выбивающиеся из-под капюшона волнистые каштановые волосы, светлые глаза.

Без сомнения, это была старший следователь Грознова. О ее приезде никто не предупредил, и значит ее появление, особенно в доме Добрецово́й в компании начальника РОВД, было совершенно неофициальным.

Павлинову это очень не понравилось.

Он вернулся домой в раздумьях.

Зачем она приехала? Ответ напрашивался один: ее позвал на подмогу Добрецов.

Под каким предлогом она могла появиться в Кураевске, да еще с ребенком? Предлог должен быть весьма убедительным. В том числе для ее непосредственного начальства, которое ни за что не согласилось бы на подпольное вмешательство в чужое дело. Просто решила отдохнуть? Ну так Кураевск – не какой-нибудь курорт с развлечениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.